

Льюис Керролл

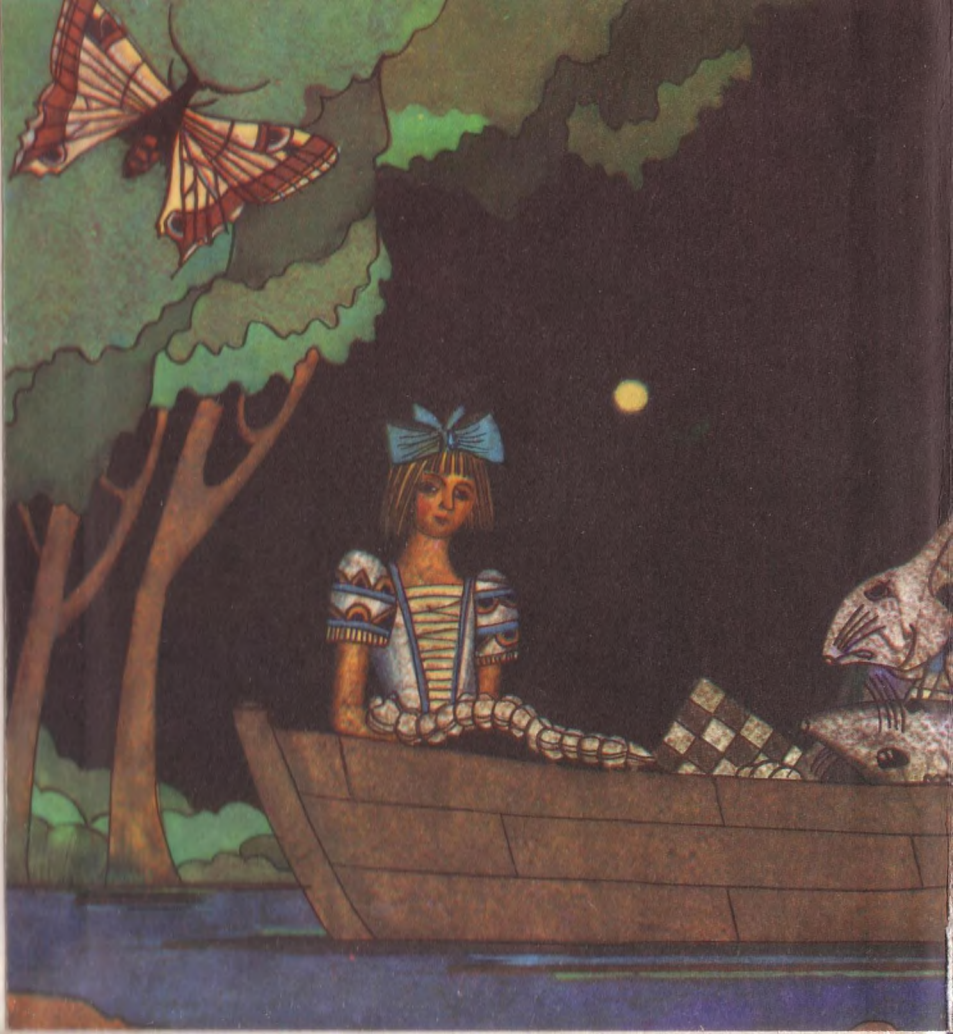
Аня в Стране чудес

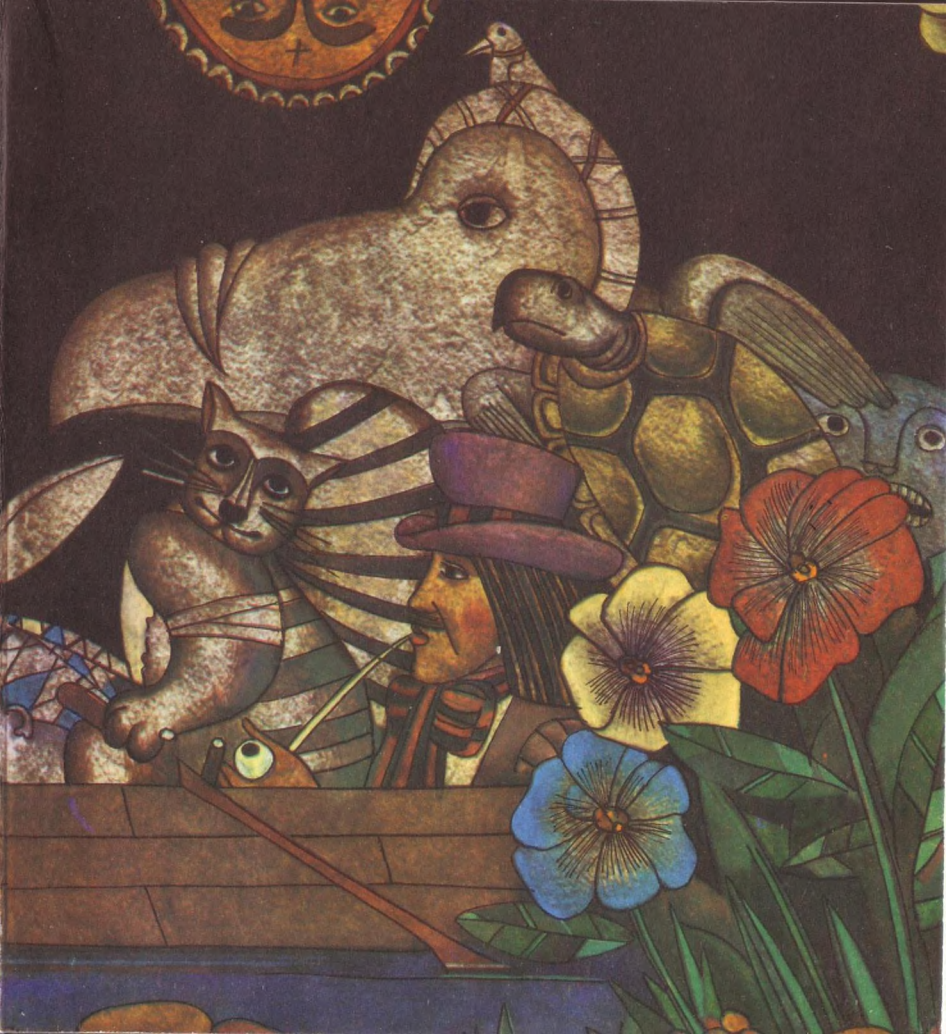
Перевод В. НАБОКОВА

1 р. 80 к.

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Ленинград «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение
1989

Ленинград «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение
1989

Льюис Кэрролл

Аня
в Стране чудес

СКАЗКА

Перевод В. НАБОКОВА

И (Англ.)

К 98

*Подготовка текста
и послесловие
Н. И. Толстой*

*Художник
А. Геннадиев*

*В послесловии
даны портреты
Льюиса Кэрролла,
Владимира Набокова
и Алисы Лидделл*

К $\frac{4803010101-136}{M101(03)-89}$ 463—89

ISBN 5—08—000172—0

© Послесловие. Рисунки. Издательство «Детская литература», 1989

Шурок
в крамольно норку

Глава 1

не становилось скучно сидеть без дела рядом с сестрой на травяном скате; раза два она заглянула в книжку, но в ней не было ни разговоров, ни картинок. «Что проку в книжке без картинок и без разговоров?» — подумала Аня.

Она чувствовала себя глупой и сонной — такой был жаркий день. Только что принялась она рассуждать про себя, сто́ит ли встать, чтобы набрать ромашек и свить из них цепь, как вдруг, откуда ни возьмись, пробежал мимо нее Белый Кролик с розовыми глазами.

В этом, конечно, ничего особенно замечательного не было; не удивилась Аня и тогда, когда услышала, что Кролик бормочет себе под нос: «Боже мой, боже мой, я наверняка опоздаю». (Только потом, вспоминая, она заключила, что говорящий зверек — диковина, но в то время ей почему-то казалось это очень естественным.) Когда же Кролик так-таки и вытащил часы из жилетного кармана и, взглянув на них, поспешил дальше, тогда только у Ани блеснула мысль, что ей никогда не приходилось видеть, чтобы у кролика были часы и

карман, куда бы их совать. Она вскочила, сгорая от любопытства, побежала за ним через поле и как раз успела заметить, как юркнул он в большую нору под шиповником.

Аня мгновенно нырнула вслед за ним, не задумываясь над тем, как ей удастся вылезти опять на свет божий.

Нора сперва шла прямо в виде туннеля, а потом внезапно оборвалась вниз — так внезапно, что Аня не успела и ахнуть, как уже стоймя падала куда-то, словно попала в бездонный колодец.

Да, колодец, должно быть, был очень глубокий, или же падала она очень медленно: у нее по пути вполне хватало времени осмотреться и подумать о том, что может дальше случиться. Сперва она взглянула вниз, чтоб узнать, что ее ожидает, но глубина была беспросветна; тогда она посмотрела на стены колодца и заметила, что на них множество полок и полочек; тут и там висели на крючках географические карты и картинки. Она падала вниз так плавно, что успела мимоходом достать с одной из полок

банку, на которой значилось: «К л у б н и ч н о е в а р е н ь е». Но, к великому ее сожалению, банка оказалась пустой. Ей не хотелось бросать ее из боязни убить кого-нибудь внизу, и потому она ухитрилась поставить ее в один из открытых шкафчиков, мимо которых она падала.

«Однако, — подумала Аня, — после такого испытанья мне ни чуточку не покажется страшным полететь кувырком с лестницы! Как дома будут дивиться моей храбрости! Что лестница! Если бы я даже с крыши грохнулась, и тогда б я не пикнула! Это уже, конечно».

Вниз, вниз, вниз... Вечно ли будет падение? «Хотела бы я знать, сколько верст сделала я за это время, — сказала она громко. — Должно быть, я уже приближаюсь к центру Земли. Это, значит, будет приблизительно шесть тысяч верст. Да, кажется, так... (Аня, видите ли, выучила несколько таких вещей в классной комнате, и хотя сейчас не очень кстати было высказывать свое знание, все же такого рода упражнение ей казалось полезным.)... Да, кажется,

это верное расстояние, но вопрос в том: на какой широте или долготе я нахожусь?» (Аня не имела ни малейшего представления, что такое долгота и широта, но ей нравился пышный звук этих двух слов).

Немного погодя она опять принялась думать вслух: «А вдруг я провалюсь сквозь землю. Как забавно будет выйти на той стороне и очутиться среди людей, ходящих вниз головой! Антипатии, кажется». (На этот раз она была рада, что некому слышать ее: последнее слово как-то не совсем верно звучало.)

«Но мне придется спросить у них название их страны. Будьте добры, сударыня, сказать мне, куда я попала: в Австралию или Новую Зеландию?» (Тут она попробовала присесть — на воздухе-то!) «Ах, за какую дурочку примут меня! Нет, лучше не спрашивать: может быть, я увижу это где-нибудь написанным».

Вниз, вниз, вниз... От нечего делать Аня вскоре опять заговорила: «Сегодня вечером Дина, верно, будет скучать без меня. (Дина была кошка.) Надеюсь, что во время чая не забудут налить ей молока в блюдце. Дина, милая, ах, если бы ты была здесь, со мной! Мышей в воздухе, пожалуй, нет, но зато ты могла бы поймать летучую мышь! Да вот едят ли кошки летучих мышей? Если нет, почему же они по крышам бродят?» Тут Аня стала впадать в дремоту и продолжала повторять сонно и смутно: «Кошки на крыше, летучие мыши...» А потом слова путались и выходило что-то несуразное: летучие кошки, мыши на крыше... Она чувствовала,

что одолел ее сон, но только стало ей сниться, что гуляет она под руку с Диной и очень настойчиво спрашивает у нее: «Скажи мне, Дина, правду: ела ли ты когда-нибудь летучих мышей?» — как вдруг...

Б у х! Б у х!

Аня оказалась сидящей на куче хвороста и сухих листьев. Падение было окончено. Она ничуть не ушиблась и сразу же вскочила на ноги. Посмотрела вверх — там было все темно. Перед ней же был другой длинный проход, и в глубине еще виднелась спина торопливо семенящего Кролика. Аня, вихрем сорвавшись, кинулась за ним и успела услышать, как он воскликнул на повороте:

— Ох, мои ушки и усики, как поздно становится!

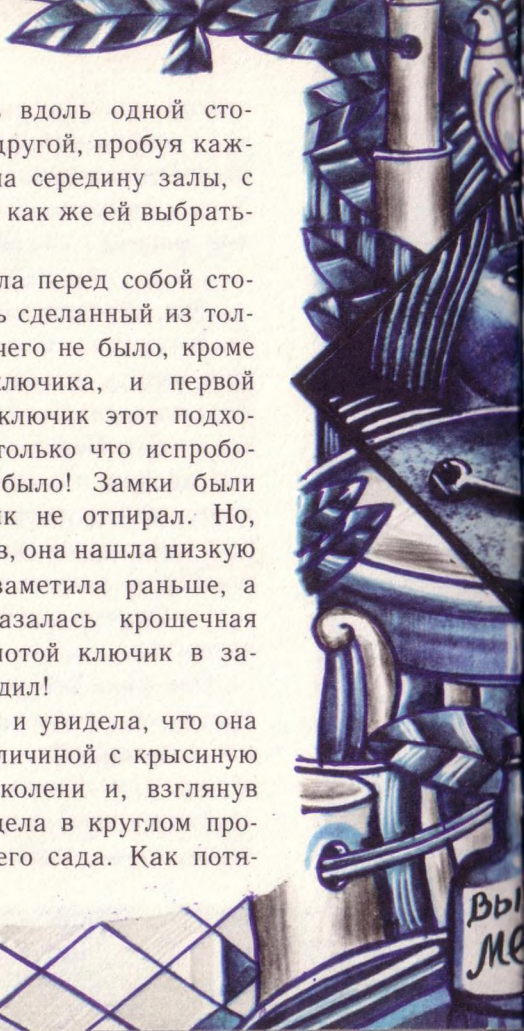
Она была совсем близко от него, но, обогнув угол, потеряла его из виду. Очутилась она в низкой зале, освещенной рядом ламп, висящих на потолке.

Вокруг всей залы были многочисленные двери, но все оказались запертыми! И после

того как Аня прошла вдоль одной стороны и вернулась вдоль другой, пробуя каждую дверь, она вышла на середину залы, с грустью спрашивая себя, как же ей выбраться наружу.

Внезапно она заметила перед собой столик на трех ножках, весь сделанный из толстого стекла. На нем ничего не было, кроме крошечного золотого ключика, и первой мыслью Ани было, что ключик этот подходит к одной из дверей, только что испробованных ею. Не тут-то было! Замки были слишком велики, ключик не отпирал. Но, обойдя залу во второй раз, она нашла низкую занавеску, которой не заметила раньше, а за этой занавеской оказалась крошечная дверь. Она всунула золотой ключик в замок — он как раз подходил!

Аня отворила дверцу и увидела, что она ведет в узкий проход величиной с крысиную норку. Она встала на колени и, взглянув в глубину прохода, увидела в круглом просвете уголок чудеснейшего сада. Как потя-

нуло ее туда из сумрачной залы, как захотелось ей там побродить между высоких нежных цветов и прохладных светлых фонтанов! Но и головы она не могла просунуть в дверь. «А если б и могла, — подумала бедная Аня, — то все равно без плеч далеко не уйдешь. Ах, как я бы хотела быть в состоянии складываться, как подзорная труба! Если б я только знала, как начать, мне, пожалуй, удалось бы это». Видите ли, случилось столько необычайного за последнее время, что Ане уже казалось, что на свете очень мало действительно невозможных вещей.

Постояла она у дверцы, потопталась да и вернулась к столику, смутно надеясь, что найдет на нем какой-нибудь другой ключ или по крайней мере книжку правил для людей, желающих складываться по примеру подзорной трубы; на этот раз она увидела на нем сткляночку (которой раньше, конечно, не было, подумала Аня) и на бумажном ярлычке, привязанном к горлышку, были напечатаны красиво и крупно два слова:

«ВЫПЕЙ МЕНЯ».

Очень легко сказать: «Выпей меня», но умная Аня не собиралась действовать опрометчиво.

«Посмотрю сперва, — сказала она, — есть ли на ней пометка «яд».

Она помнила, что читала некоторые милые рассказы о детях, которые пожирались дикими зверями и с которыми случались всякие другие неприятности, — все только потому, что они не слушались дружеских советов и не соблюдали самых простых правил, как, например: если будешь держать слишком долго кочергу за раскаленный докрасна кончик, то обожжешь руку; если слишком глубоко воткнешь в палец нож, то может пойти кровь, и, наконец, если глотнешь из бутылочки, помеченной — «яд», то рано или поздно почувствуешь себя плохо.

Но в данном случае на стлянке никакого предостережения не было, и Аня решилась испробовать содержимое. И так как оно весьма ей понравилось (еще бы! Это был какой-то смешанный вкус вишневого торта,

сливочного мороженого, ананаса, жареной индейки, тянушек и горячих гренков с маслом), то стклянка вскоре оказалась пуста.

. . . . .

«Вот странное чувство! — воскликнула Аня. — Должно быть, я захопываюсь, как телескоп».

Действительно, она теперь была не выше десяти дюймов росту, и вся она просияла при мысли, что при такой величине ей легко можно пройти в дверцу, ведущую в дивный сад. Но сперва нужно было посмотреть, перестала ли она уменьшаться, — этот вопрос очень ее волновал.

«Ведь это может кончиться тем, что я все погасну, как свеча, — сказала Аня. — На что же я тогда буду похожа?»

И она попробовала вообразить себе, как выглядит пламя после того, как задуете свечу. Никогда раньше она не обращала на это внимания.

Через некоторое время, убедившись в 17

том, что ничего больше с ней не происходит, она решила не медля отправиться в сад. Но, увы! Когда бедная Аня подошла к двери, она спохватилась, что забыла взять золотой ключик, а когда пошла за ним к стеклянному столику,

то оказалось, что нет никакой возможности до него дотянуться: она видела его совершенно ясно, снизу, сквозь стекло и попыталась даже вскарабкаться вверх по одной из ножек, но слишком было скользко, — и уставшая от

тщетных попыток, бедняжка свернулась в клубочек и заплакала.

«Будет тебе плакать. Что толку в слезах? — довольно резко сказала Аня себе самой. — Советую тебе тотчас же перестать».

Советы, которые она себе давала, обычно были весьма добрые, хотя она редко следовала им. Иногда она бранила себя так строго, что слезы выступали на глазах, а раз, помнится, она попробовала выдрать себя за уши за то, что сплутовала, играя сама с собой в крокет. Станный этот ребенок очень любил представлять из себя двух людей. «Но это теперь ни к чему, — подумала бедная Аня. — Ведь от меня осталось так мало! На что я гожусь?..»

Тут взгляд ее упал на какую-то стеклянную коробочку, лежащую под столом; она открыла ее и нашла в ней малюсенький пирожок, на котором изящный узор изюминок образовал два слова: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

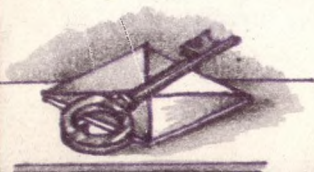
«Ну что же, и съем! — сказала Аня. — И если от этого я вырасту, то мне удастся достать ключ; если же я стану еще меньше, то

смогу подлезть под дверь. Так или иначе, я буду в состоянии войти в сад. Будь что будет!»

Она съела кусочек и стала спрашивать себя: «В какую сторону, в какую?» — и при этом ладонь прижимала к темени, чтобы почувствовать, по какому направлению будет расти голова; однако, к ее великому удивлению, ничего не случилось: она оставалась все того же роста. Впрочем, так обыкновенно и бывает, когда ешь пирожок, но она так привыкла на каждом шагу ждать одних только чудес, что жизнь уже казалась ей глупой и скучной, когда все шло своим порядком.

Поэтому она принялась за пирожок, и вскоре он был уничтожен. . . . .

. . . . .

Продолжение

Глава 2

ем дальше, тем страшше! — воскликнула Аня (она так оторопела, что на мгновение разучилась говорить правильно). — Теперь я растягиваюсь, как длиннейшая подзорная труба, которая когда-либо существовала. Прощайте, ноги! (Дело в том, что, поглядев вниз, на свои ноги, она увидела, что они все удаляются и удаляются — вот, вот исчезнут.) — Бедные мои ножки, кто же теперь на вас будет натягивать чулки, родные? Уж конечно не я! Слишком велико расстояние между нами, чтобы я могла о вас заботиться; вы уж сами как-нибудь устройтесь. Все же я должна быть с ними ласкова, — добавила про себя Аня, — а то они, может быть, не станут ходить в ту сторону, в какую я хочу! Что бы такое придумать! Ах, вот что: я буду дарить им по паре сапог на рождество».

И стала она мысленно рассуждать о том, как лучше осуществить этот замысел. «Сапоги придется отправить с курьером, — думала она. — Вот смешно-то посылать подарки сво-

им же ногам! И как дико будет выглядеть адрес:

ГОСПОЖЕ ПРАВОЙ НОГЕ АНИНОЙ

Город Коврик Паркетная губерния

«Однако, какую я чушь говорю!»

Тут голова ее стукнулась о потолок; тогда она схватила золотой ключик и побежала к двери, ведущей в сад.

Бедная Аня! Всего только и могла она, что, лежа на боку, глядеть одним глазом в сад; пройти же было еще труднее, чем раньше. И, опустившись на пол, она снова заплакала.

«Стыдно, стыдно! — вдруг воскликнула Аня. — Такая большая девочка (увы, это было слишком верно) — и плачет! Сейчас же перестань! Слышишь?»

Но она все равно продолжала лить потоки слез, так что вскоре на полу посредине залы образовалось довольно глубокое озеро.

Вдруг она услышала мягкий стук мелких шажков. И она поскорее вытерла глаза, чтобы разглядеть, кто идет. Это был Белый Кро-

лик, очень нарядно одетый, с парой белых перчаток в одной руке и с большим веером в другой. Он семенил крайне торопливо и бормотал на ходу:

— Ах, Герцогиня, Герцогиня! Как она будет зла, если я заставлю ее ждать!

Аня находилась в таком отчаянии, что готова была просить помощи у всякого: так что, когда Кролик приблизился, она тихо и робко обратилась к нему:

— Будьте добры...

Кролик сильно вздрогнул, выронил перчатки и веер и улепетнул в темноту с величайшей поспешностью.

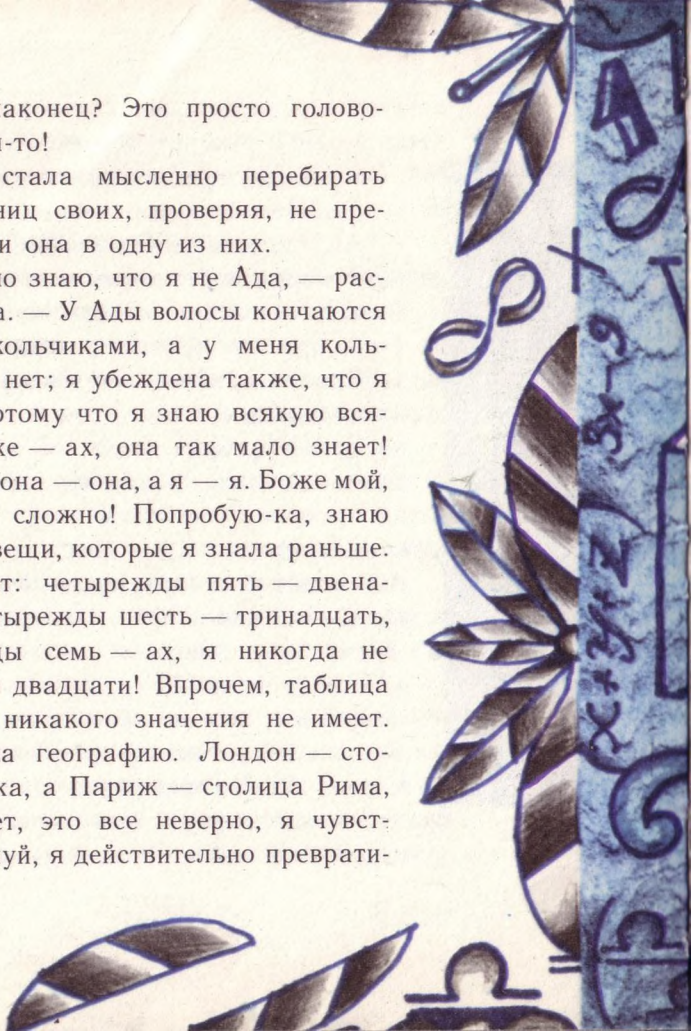
Аня подняла и перчатки, и веер и, так как в зале было очень жарко, стала обмахиваться все время, пока говорила:

«Ах ты боже мой! Как сегодня все несуразно! Вчера все шло по обыкновению. Неужели же за ночь меня подменили? Позвольте: была ли я сама собой, когда утром встала? Мне как будто помнится, что я чувствовала себя чуть-чуть другой. Но если я не та же, тогда... тогда...

кто же я наконец? Это просто головоломка какая-то!

И Аня стала мысленно перебирать всех сверстниц своих, проверяя, не превратилась ли она в одну из них.

Я наверно знаю, что я не Ада, — рассуждала она. — У Ады волосы кончаются длинными кольчиками, а у меня кольчиков вовсе нет; я убеждена также, что я и не Ася, потому что я знаю всякую всячину, она же — ах, она так мало знает! Кроме того, она — она, а я — я. Боже мой, как это все сложно! Попробую-ка, знаю ли я все те вещи, которые я знала раньше. Ну, так вот: четырежды пять — двенадцать, а четырежды шесть — тринадцать, а четырежды семь — ах, я никогда не доберусь до двадцати! Впрочем, таблица умножения никакого значения не имеет. Попробую-ка географию. Лондон — столица Парижа, а Париж — столица Рима, а Рим... Нет, это все неверно, я чувствую. Пожалуй, я действительно преврати-

лась в Асю! Попробую еще сказать стихотворение какое-нибудь. Как это было? «Не знает ни заботы, ни труда...» Кто не знает?»

Аня подумала, сложила руки на коленях, словно урок отвечала, и стала читать наизусть, но голос ее звучал хрипло и странно, и слова были совсем не те:

Крокодилушка не знает
Ни заботы, ни труда.
Золотит его чешуйки
Быстротечная вода.
Милых рыбок ждет он в гости,
На брюшке средь камышей:
Лапки врозь, дугою хвостик,
И улыбка до ушей...

Я убеждена, что это не те слова, — сказала бедная Аня, и при этом глаза у нее снова наполнились слезами. — По-видимому, я правда превратилась в Асю и мне придется жить с ее родителями в их душном домике, почти не иметь игрушек и столько, столько учиться! Нет, уж реше-

но: если я — Ася, то останусь здесь, внизу! Пускай они тогда глядят сверху и говорят: «Вернись к нам, деточка!» Я только подниму голову и спрошу: «А кто я? Сперва скажите мне, кто я. И если мне понравится моя новая особа, я поднимусь к вам. А если не понравится, то буду оставаться здесь, внизу, пока не стану кем-нибудь другим». Ах, господи! — воскликнула Аня, разрыдавшись. — Как я все-таки хотела бы, чтобы они меня позвали! Я так устала быть одной!»

Тут она посмотрела на свои руки и с удивлением заметила, что, разговаривая, надела одну из крошечных белых перчаток, оброненных Кроликом.

«Как же мне удалось это сделать? — подумала она. — Вероятно, я опять стала уменьшаться».

Она подошла к столу, чтобы проверить рост свой по нему. Оказалось, что она уже ниже его и быстро продолжает таять. Тогда ей стало ясно, что причиной этому является веер в ее руке. Она поспешно бросила

его. Еще мгновение — и она бы исчезла совершенно.

«Однако, едва, едва спаслась! — воскликнула Аня, очень испуганная внезапной переменой и вместе с тем довольная, что еще существует. — А теперь — в сад!»

• И она со всех ног бросилась к двери, но — увы! — дверца опять оказалась закрытой, а золотой ключик лежал на стеклянном столике, как раньше. «Все хуже и хуже! — подумало бедное дитя. — Я никогда еще не была такой маленькой, никогда! Как мне не везет!»

При этих словах она поскользнулась, и в следующее мгновение — бух! — Аня оказалась по горло в соленой воде. Ее первой мыслью было, что она каким-то образом попала в море. «Ведь в таком случае, — сказала она про себя, — я просто могу вернуться домой поездом» (Аня только раз в жизни побывала на берегу моря и пришла к общему выводу, что какое бы приморское место ни посетить, все будет то же: вереница купальных будок, несколько детей с деревянными лопатами, стро-

ящих крепость из песку, дальше ряд одинаковых домов, где сдаются комнаты приезжающим, а за домами железнодорожная станция). Впрочем, она скоро догадалась, что находится в луже тех обильных слез, которые она пролила, будучи великаншей.

«Ах, если бы я не так много плакала! — сказала Аня, плавая туда и сюда в надежде найти сушу. — Я теперь буду за это наказана тем, вероятно, что утону в своих же слезах. Вот будет странно! Впрочем, все странно сегодня».

Тут она услышала где-то вблизи барахтанье и поплыла по направлению плеска, чтобы узнать, в чем дело. Сперва показалось ей, что это тюлень или гиппопотам, но, вспомнив свой маленький рост, она поняла, что это просто мышь, угодившая в ту же лужу, как и она.

«Стоит ли заговорить с мышью? — спросила себя Аня. — Судя по тому, что сегодня случается столько необычайного, я думаю, что, пожалуй, эта мышь говорить умеет.

Во всяком случае можно попробовать». И она обратилась к ней:

— О Мышь, знаете ли вы, как можно выбраться отсюда? Я очень устала плавать назад и вперед, о Мышь! (Ане казалось, что это верный способ обращения, когда говоришь с мышью; никогда не случалось ей делать это прежде, но она вспомнила, что видела в братниной латинской грамматике столбик слов: мышь, мыши, мыши, мышь, о мыши, о мышь!)

Мышь посмотрела на нее с некоторым любопытством и как будто моргнула одним глазком, но ничего не сказала.

«Может быть, она не понимает по-русски, — подумала Аня. — Вероятно, это французская мышь, оставшаяся при отступлении Наполеона» (Аня хоть знала историю хорошо, но не совсем была тверда насчет давности разных происшествий).

— *Ou est ma chatte?** — заговорила она

---

* Где моя кошка? (Франц.)

опять, вспомнив предложение, которым начинался ее учебник французского языка.

Мышь так и выпрыгнула из воды и, казалось, вся задрожала от страха.

— Ах, простите меня, — залепетала Аня, боясь, что обидела бедного зверька. — Я совсем забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — завизжала Мышь надрывающимся голосом. — Хотела бы я знать, любили ли бы вы кошек, если б были на моем месте!

— Как вам сказать? Пожалуй, нет, — успокоительным тоном ответила Аня. — Не сердитесь же, о Мышь! А все-таки я желала бы, — продолжала она как бы про себя, лениво плавая по луже, — ах, как я желала бы вас познакомить с нашей Диной: вы научились бы ценить кошек, увидя ее. Она такое милое, спокойное существо. Сидит она, бывало, у меня, мурлыкает, лапки облизывает, умывается... И вся она такая мягкая, так приятно нянчить ее. И она так превосходно ловит мышей... Ах, простите меня! — опять воскликнула Аня, ибо

на этот раз Мышь вся ошетинилась, выражая несомненную обиду. — Мы не будем говорить о ней, если вам это неприятно.

— Вот так-так — мы не будем!.. — воскликнула Мышь, и дрожь пробежала по ее телу с кончиков усиков до кончика хвоста. — Как будто я первая заговорила об этом! Наша семья всегда ненавидела кошек. Гадкие, подлые, низкие существа! Не упоминайте о них больше!

— Разумеется, не буду, — сказала Аня и поспешила переменить разговор. — А вы любите, ну, например, собак?

Мышь не ответила, и Аня бойко продолжала:

— В соседнем домике такой есть очаровательный песик, так мне хотелось бы вам показать его! Представьте себе: маленький яркоглазый фоксик, в шоколадных крапинках, с розовым брюшком, с острыми ушами! И если кинешь что-нибудь, он непременно принесет. Он служит и лапку подает и много всяких других штук знает — всего не вспомнишь. И

O mull

„Ou est n

Ombelle

la chatte

la chatte

принадлежит он, знаете, мельнику, и мельник говорит, что он его за тысячу рублей не отдаст, потому что он так ловко крыс убивает и... ах, господи! Я, кажется, опять вас обидела!

Действительно, Мышь уплывала прочь так порывисто, что от нее во все стороны шла крупная рябь по воде. Аня ласково принялась ее звать:

— Мышь, милая! Вернитесь же, и мы не будем больше говорить ни о кошках, ни о собаках, раз вы не любите их.

Услыхав это, Мышь повернулась и медленно поплыла назад; лицо у нее было бледно («От негодования», — подумала Аня), а голос тих и трепетен.

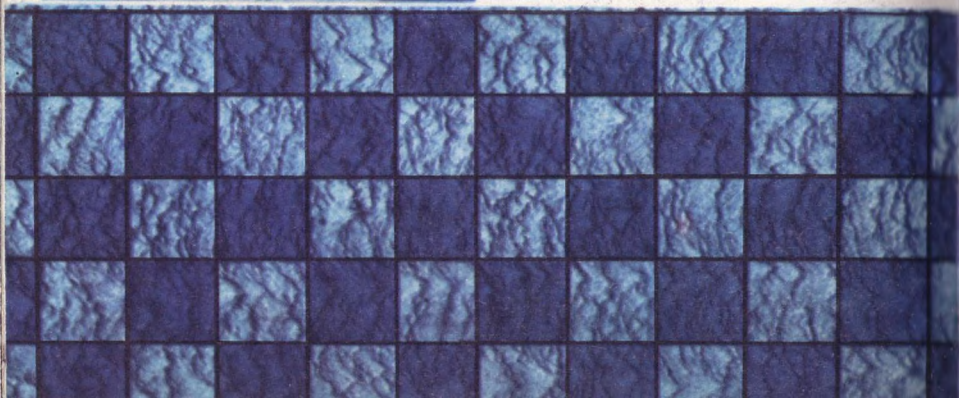
— Выйдем на берег, — сказала Мышь, — и тогда я вам расскажу мою повесть. И вы поймете, отчего я так ненавижу кошек и собак.

А выбраться было пора; в луже становилось уже тесно от всяких птиц и зверей, которые в нее попали: тут были и Утка, и Дронт, и Лори, и Орленок, и несколько других диковинных существ. Все они поплыли за Аней к суше.

*Ура в кураleys
и повесть в виде
хвоста*

Глава 3

оистине, странное общество собралось на берегу: у птиц волочились перья, у зверей слипалась шкура — все промокли насквозь, вид имели обиженный и чувствовали себя весьма неудобно. Первым делом, конечно, нужно было найти способ высохнуть. Они устроили совещание по этому вопросу, и через несколько минут Аня заметила — без всякого удивления, — что беседует с ними так свободно, словно знала их всю жизнь. Она даже имела долгий спор с Лори, который под конец надулся и только повторял: «Я старше вас и поэтому знаю лучше», а это Аня не могла допустить, но на вопрос, сколько же ему лет, Лори твердо отказался ответить, и тем разговор был исчерпан.

Наконец Мышь, которая, по-видимому, пользовалась общим почетом, крикнула:

— Садитесь все и слушайте меня. Я вас живо высушу!

Все они тотчас же сели, образуя круг с Мышью посередине, и Аня не спускала с нее глаз, так как чувствовала, что получит сильный намок, если сейчас не согреется.

Мышь деловито прокашлялась:

— Вот самая сухая вещь, которую я знаю. Прошу внимания! Утверждение в Киеве Владимира Мономаха мимо его старших родичей повело к падению родового единства в среде киевских князей. После смерти Мономаха Киев достался не братьям его, а сыновьям и обратился, таким образом, в семейную собственность Мономаховичей. После старшего сына Мономаха, очень способного князя Мстислава...

— Ух! — тихо произнес Лори, и при этом его всего передернуло.

— Простите? — спросила Мышь, нахмурившись, но очень учтиво. — Вы, кажется, изволили что-то сказать?

— Нет, нет, — поспешно забормотал Лори.

— Мне, значит, показалось, — сказала Мышь. — Итак, я продолжаю: очень способного князя Мстислава, в Киеве один за другим княжили его родные братья. Пока они жили дружно, их власть была крепка; когда же их отношения обострились...

— В каком отношении? — перебила Утка.

— В отношении их отношений, — ответила Мышь довольно сердито. — Ведь вы же знаете, что такое «отношение».

— Я-то знаю, — сказала Утка. — Я частенько «отношу» своим детям червячка или лягушонка. Но вопрос в том: что такое отношение князей?

Мышь на вопрос этот не ответила и поспешно продолжала:

— ...обострились, то против них поднялись князья Ольговичи и не раз силою завладевали Киевом. Но Мономаховичи в свою очередь... Как вы себя чувствуете, моя милая? — обратилась она к Ане.

— Насквозь промокшей, — уныло сказала Аня. — Ваши слова на меня, видно, не действуют.

— В таком случае, — изрек Дронт, торжественно привстав, — я предлагаю объявить заседание закрытым, дабы принять более энергические меры.

— Говорите по-русски, — крикнул Орле-

нок. — Я не знаю и половины всех этих длинных слов, а главное, я убежден, что и вы их не понимаете!

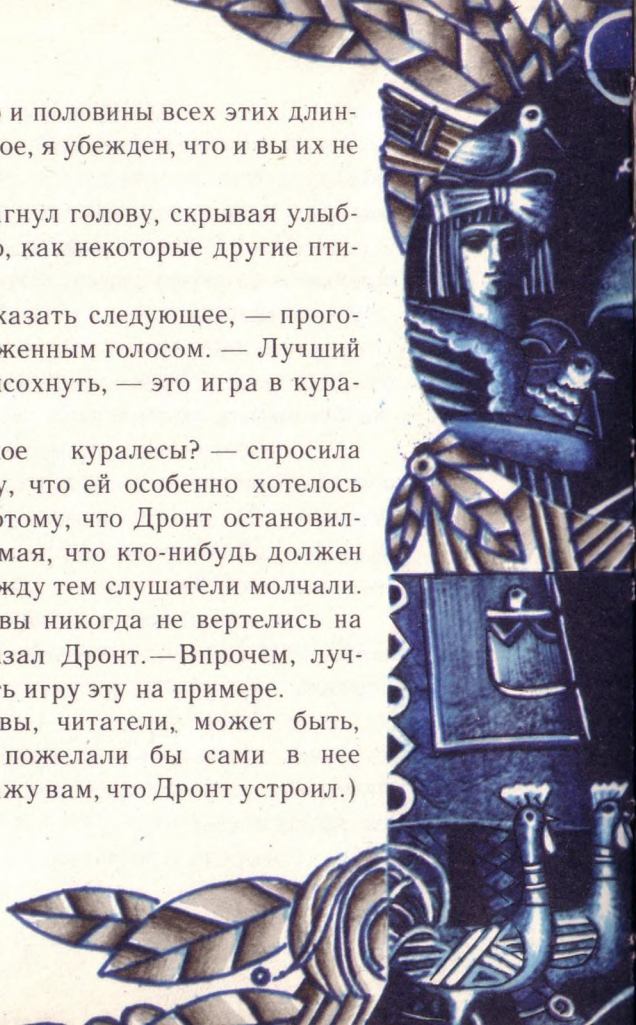
И Орленок нагнул голову, скрывая улыбку. Слышно было, как некоторые другие птицы захихикали.

— Я хотел сказать следующее, — проговорил Дронт обиженным голосом. — Лучший способ, чтобы высохнуть, — это игра в куралесы.

— Что такое куралесы? — спросила Аня — не потому, что ей особенно хотелось это узнать, но потому, что Дронт остановился, как будто думая, что кто-нибудь должен заговорить, а между тем слушатели молчали.

— Неужели вы никогда не вертелись на куралесах? — сказал Дронт. — Впрочем, лучше всего показать игру эту на примере.

(И так как вы, читатели, может быть, в зимний день пожелали бы сами в нее сыграть, я расскажу вам, что Дронт устроил.)

Сперва он наметил путь для бега в виде круга («Форма не имеет значения», — сказал он при этом), а потом участники были расставлены тут и там на круговой черте. Все пускались бежать, когда хотели, и останавливались по своему усмотрению, так что нелегко было знать, когда кончается состязание. Однако после получаса бега, вполне осушившего всех, Дронт вдруг воскликнул:

— Гонки окончены!

И все столпились вокруг него, тяжело дыша и спрашивая:

— Кто же выиграл?

На такой вопрос Дронт не мог ответить, предварительно не подумав хорошенько. Он долго стоял неподвижно, приложив палец ко лбу (как великие писатели на портретах), пока другие безмолвно ждали. Наконец Дронт сказал:

— Все выиграли, и все должны получить призы.

— Но кто будет призы раздавать? — спросил целый хор голосов.

— Она, конечно, — сказал Дронт, тыкнув пальцем на Аню.

И все тесно ее обступили, смутно гудя и выкрикивая:

— Призы, призы!

Аня не знала, как ей быть. Она в отчаянии сунула руку в карман и вытащила коробку конфет, до которых соленая вода, к счастью, не добралась. Конфеты она и раздала в виде призов всем участникам. На долю каждого пришлось как раз по одной штуке.

— Но она и сама, знаете, должна получить награду, — заметила Мышь.

— Конечно, — ответил Дронт очень торжественно.

— Что еще есть у вас в карманах? — продолжал он, обернувшись к Ане.

— Только наперсток, — сказала она с грустью.

— Давайте-ка его сюда! — воскликнул Дронт.

Тогда они все опять столпились вокруг нее, и напыщенный Дронт представил ее к награде.

— Мы имеем честь просить вас принять сей изящный наперсток, — сказал он, и по окончании его короткой речи все стали рукоплескать.

Это преподношение казалось Ане ужасной чепухой, но у всех был такой важный, сосредоточенный вид, что она не посмела рассмеяться. И так как она ничего не могла придумать, что сказать, она просто поклонилась и взяла из рук Дронта наперсток, стараясь выглядеть как можно торжественнее.

Теперь надлежало съесть конфеты, что вызвало немало шума и волнения. Крупные птицы жаловались, что не могли разобрать вкуса конфеты, а те, которые были поменьше, давились, и приходилось хлопать их по спине. Наконец все было кончено, и они опять сели в кружок и попросили Мышь рассказать им еще что-нибудь.

— Помните, вы рассказ обещали, — сказала Аня. — Вы хотели объяснить, почему так ненавидите С. и К., — добавила она шепотом, полубоясь, что опять Мышь обидится.

— Мой рассказ прост, печален и длинен, — со вздохом сказала Мышь, обращаясь к Ане.

— Да, он, несомненно, очень длинный, — заметила Аня, которой послышалось не «прост», а «хвост». — Но почему вы его называете печальным?

Она стала ломать себе голову, с недоумением глядя на хвост Мыши, и потому все, что стала та говорить, представлялось ей в таком виде:

В темной комнате,
с мышью оставшись
вдвоем, хитрый пес
объявил: «Мы судить-
ся пойдем! Я скучаю
сегодня: чем время за-
нять? Так пойдем
же: я буду тебя
обвинять!» —

«Без присяж-
ных, — восклик-
нула мышь, —
без судьи! Кто
же взвесит то-
гда оправда-
нья мои?» —

«И судью, и
присяжных
я сам заме-
ню, — хит-
рый пес об-
ъявил. —

И те-
бя я
каз-
ню
!»

— Вы не слушаете, —
грозно сказала Мышь,
взглянув на Аню. — О чем
вы сейчас думаете?

— Простите, — крот-
ко пролепетала Аня, — вы,
кажется, дошли до пятого
погиба?

— Ничего подобного,
никто не погиб! — не
на шутку рассердилась
Мышь. — Никто. Вот вы
теперь меня спутали.

— Ах, дайте я распу-
таю... Где узел? — вос-
кликнула услужливо Аня,
глядя на хвост Мыши.

— Ничего вам не
дам, — сказала та и,
встав, стала уходить. —
Вы меня оскорбляете тем,
что говорите такую чушь!

— Я не хотела! Про-

стите меня, — жалобно протянула Аня. — Но вы так легко обижаетесь!

Мышь только зарычала в ответ.

— Ну пожалуйста, вернитесь и доскажите ваш рассказ, — вслед ей крикнула Аня. И все остальные присоединились хором:

— Да, пожалуйста!

Но Мышь только покачала головой нетерпеливо и прибавила шагу.

— Как жаль, что она не захотела остаться! — вздохнул Лори, как только Мышь скрылась из виду, и старая Рачиха воспользовалась случаем, чтобы сказать своей дочери:

— Вот, милая, учись! Видишь, как дурно сердиться!

— Закуси язык, мать, — огрызнулась та. — С тобой и устрица из себя выйдет.

— Ах, если бы Дина была здесь, — громко воскликнула Аня, ни к кому в частности не обращаясь. — Дина живо притащила бы ее обратно!

— Простите за нескромный вопрос, —

сказал Лори, — но скажите, кто это — Дина?

На это Аня ответила с радостью, так как всегда готова была говорить о своей любимице.

— Дина — наша кошка. Как она чудно ловит мышей — я просто сказать вам не могу! Или вот еще — птичек. Птичка только сядет, а она ее мигом цап-царап!

Эти слова произвели совершенно исключительное впечатление на окружающих. Некоторые из них тотчас же поспешили прочь. Дряхлая Сорока принялась очень тщательно закутываться, говоря:

— Я, правда, должна бежать домой: ночной воздух очень вреден для моего горла.

А канарейка дрожащим голосом стала скликать своих детей:

— Пойдемте, родные! Вам уже давно пора быть в постельках!

Так все они под разными предлогами удалились, и Аня вскоре осталась одна.

«Напрасно; напрасно я упомянула про

Дину! — уныло сказала она про себя. — Никто, по-видимому, ее здесь не любит, я же убеждена, что она лучшая кошка на свете. Бедная моя Дина! Неужели я тебя никогда больше не увижу!»

И тут Аня снова заплакала, чувствуя себя очень угнетенной и одинокой. Через несколько минут, однако, она услышала шуршание легких шагов и быстро подняла голову, смутно надеясь, что Мышь решила все-таки вернуться, чтобы закончить свой рассказ.

Кто-то летит
в тучу

Глава 4

то был Белый Кролик, который тихо семенил назад, тревожно поглядывая по сторонам, словно искал чего-то. И Аня расслышала, как он бормотал про себя: «Ах, Герцогиня, Герцогиня! Ах, мои бедные лапки! Ах, моя шкурка и усики! Она меня казнит, это ясно, как капуста! Где же я мог их уронить?»

Аня сразу сообразила, что он говорит о веере и о паре белых перчаток, и она добродушно стала искать их вокруг себя, но их нигде не было видно — да и вообще все как-то изменилось с тех пор, как она выкупалась в луже, — и огромный зал, и дверца, и стеклянный столик исчезли совершенно.

Вскоре Кролик заметил хлопощую Аню и сердито ей крикнул:

— Маша, что ты тут делаешь?

Сию же минуту сбегай домой и принеси мне пару белых перчаток и веер! Живо!

И Аня так перепугалась, что тотчас же, не пытаясь объяснить ошибку, метнулась по направлению, в которое Кролик указал дрожащей от гнева лапкой.

«Он принял меня за свою горничную, — думала она, пока бежала. — Как же он будет удивлен, когда узнает, кто я в действительности. Но я так и быть принесу ему перчатки и веер — если, конечно, я их найду».

В эту минуту она увидела перед собой веселый чистенький домик, на двери которого была блестящая медная дощечка со словами: **ДВОРЯНИН КРОЛИК ТРУСИКОВ**. Аня вошла не стуча и взбежала по лестнице очень поспешно, так как боялась встретить настоящую Машу, которая, вероятно, тут же выгнала бы ее, не дав ей найти веер и перчатки.

«Как это все дико, — говорила Аня про себя, — быть на побегушках у Кролика! Того и гляди, моя Дина станет посылать меня с порученьями».

И она представила себе, как это будет:

«Барышня, идите одеваться к прогулке!» —
«Сейчас, няня, сейчас! Мне Дина приказала по-
наблюдать за этой щелкой в полу, чтобы мышь
оттуда не выбежала!»

«Но только я не думаю, — добавила Аня, —
что Дине позволят оставаться в доме, если она
будет так людей гонять!»

Взбежав по лестнице, она пробралась в пус-
тую комнату, светлую, с голубенькими обоями,
и на столе у окна увидела (как и надеялась)
веер и две-три пары перчаток. Она уже собра-
лась бежать обратно, как вдруг взгляд ее упал
на какую-то бутылочку, стоящую у зеркала.
На этот раз никакой пометки на бутылочке не
было, но она все-таки откупорила ее и приложи-
ла к губам.

«Я уверена, что что-то должно случиться, —
сказала она. — Стоит только съесть или выпить
что-нибудь; отчего же не посмотреть, как дейст-
вует содержимое этой бутылочки. Надеюсь,
что оно заставит меня опять вырасти, мне так
надоело быть такой малюсенькой!»

Так оно и случилось — и куда быстрее, чем она ожидала: полбутылки еще не было выпито, как уже ее голова оказалась прижатой к потолку, и она принуждена была нагнуться, чтобы не сломалась шея. Она поспешно поставила на место бутылочку. «Будет! — сказала она про себя. — Будет! Я надеюсь, что больше не вырасту... Я и так уже не могу пройти в дверь. Ах, если бы я не так много выпила!»

Увы! Поздно было сожалеть! Она продолжала увеличиваться и очень скоро должна была встать на колени. А через минуту и для этого ей не хватало места. И она попыталась лечь, вся скрючившись, упираясь левым локтем в дверь, а правую руку обвив вокруг головы. И все-таки она продолжала расти. Тогда, в виде последнего средства, Аня просунула руку в окно и ногу в трубу, чувствуя, что уж больше ничего сделать нельзя.

К счастью для Ани, действие волшебной бутылочки окончилось: она больше не увеличивалась. Однако очень ей было неудобно, и так как все равно из комнаты невозможно было

выйти, она чувствовала себя очень несчастной.

«Куда лучше было дома! — думала бедная Аня. — Никогда я там не растягивалась и не уменьшалась, никогда на меня не кричали мыши да кролики. Я почти жалею, что нырнула в норку, а все же, а все же — жизнь эта как-то забавна! Что же это со мной случилось? Когда я читала волшебные сказки, мне казалось, что таких вещей на свете не бывает, а вот я теперь оказалась в середине самой что ни есть волшебной сказки! Хорошо бы, если б книжку написали обо мне, — право, хорошо бы! Когда я буду большой, я сама напишу; впрочем, — добавила Аня с грустью, — я уже и так большая: во всяком случае тут мне не хватит места еще вырасти.

Что же это такое? — думала Аня. — Неужели я никогда не стану старше? Это утешительно в одном смысле: я никогда не буду старухой... Но зато, зато... всю жизнь придется долбить уроки! Ох, уж мне эти уроки!

Глупая, глупая Аня, — оборвала она самое себя, — как же можно тут учиться? Едва-едва хватит места для тебя самой! Какие уж тут учебники!»

И она продолжала в том же духе, принимая то одну сторону, то другую и создавая из этого целый разговор; но внезапно снаружи раздался чей-то голос, и она замолчала, прислушиваясь.

— Маща! А Маша! — выкрикивал голос. — Сейчас же принеси мне мои перчатки!

За этим последовал легкий стук шажков вверх по лестнице.

Аня поняла, что это пришел за ней Кролик, и так стала дрожать, что ходуном заходил весь дом. А между тем она была в тысячу раз больше Кролика, и потому ей нечего было его бояться.

Вскоре Кролик добрался до двери и попробовал ее открыть: но так как дверь открывалась внутрь, а в нее крепко упирался Анин локоть, то попытка эта окончилась неудачей. Аня тогда услышала, как он сказал

про себя: «В таком случае я обойду дом и влезу через окно!»

«Нет, этого не будет!» — подумала Аня и, подождав до тех пор, пока ей показалось, что Кролик под самым окном, вдруг вытянула руку, растопыря пальцы. Ей ничего не удалось схватить, но она услышала маленький взвизг, звук падения и звонкий треск разбитого стекла, из чего она заключила, что Кролик, по всей вероятности, угодил в парник для огурцов.

Затем послышался гневный окрик Кролика:

— Петька, Петька! Где ты?

И откликнулся голос, которого она еще не слыхала:

— Известно где! Выкапываю яблоки, ваше благородие!

— Знаю твои яблоки! — сердито фыркнул Кролик. — Лучше пойдика сюда и помоги мне выбраться из этой дряни. (Опять звон разбитого стекла.)

— Теперь скажи мне, Петька, что это там в окне?

— Известно, ваше благородие, — ручища! (Он произнес это так: рчище.)

— Ручища? Осел! Кто когда видел руку такой величины? Ведь она же все окно заполняет!

— Известно, ваше благородие, заполняет. Но это рука, уж как хотите.

— Все равно, ей там не место, пойд и убери ее!

Затем долгое молчанье. Аня могла различить только шепот и тихие восклицания вроде: «Что говорить, не ндравится мне она, ваше благородие, не ндравится!» — «Делай, как я тебе приказываю, трус этакий!» Наконец она опять выбросила руку, и на этот раз раздалось два маленьких взвизга и снова зазвенело стекло.

«Однако, сколько у них там парников! — подумала Аня. — Что же они теперь предпримут! Я только была бы благодарна, если бы

им удалось вытащить меня отсюда. Я-то не очень хочу здесь оставаться!»

Она прислушалась. Некоторое время длилось молчанье. Наконец послышалось поскрипывание тележных колес и гам голосов, говорящих все сразу.

— Где другая лестница?

— Не лезь, мне было велено одну принести.

Яшка прет с другой.

— Яшка! Тащи ее сюда, малый!

— Ну-ка приставь их сюды, к стенке!

— Стой, привяжи их одну к другой!

— Да они того... не достают до верха.

— Ничего, и так ладно, нечего деликатничать.

— Эй, Яшка, лови веревку!

— А крыша-то выдержит?

— Смотри-ка, черепица шатается.

— Сейчас обвалится, берегись! (Грох!)

— Кто это сделал?

— Да уж Яшка, конечно.

— Кто по трубе спустится?

— Уволь, братцы, не я!

- Сам лезь!
- Врешь, не полезу!
- Пусть Яшка попробует.
- Эй, Яшка, барин говорит, что ты должен спуститься по трубе.

«Вот оно что! Значит, Яшка должен по трубе спуститься, — сказала про себя Аня. — Они, видно, все на Яшку валят. Ни за что я не хотела бы быть на его месте; камин узок, конечно, но все-таки, мне кажется, я могу дать ему пинок».

Она продвинула ногу как можно дальше в трубу и стала выжидать. Вскоре она услышала, как какой-то зверек (она не могла угадать его породу) скребется и возится в трубе. Тогда, сказав себе: «Это Яшка!», она дала резкий пинок и стала ждать, что будет дальше.

Первое, что она услышала, был общий крик голосов:

— Яшка летит!

Потом, отдельно, голос Кролика:

— Эй, ловите его, вы, там, у плетня!

Затем молчанье и снова смутный гам:

— Подними ему голову. Воды!

- Тише, захлебнется!
- Как это было, дружище?
- Что случилось?
- Расскажи-ка подробно!

Наконец раздался слабый, скрипучий голосок («Это Яшка», — подумала Аня).

— Я уж не знаю, что было... Спасибо, спасибо... Мне лучше... Но я слишком взволнован, чтобы рассказывать. Знаю только одно — что-то ухнуло в меня и взлетел я, как ракета.

— Так оно и было, дружище! — подхватили остальные.

— Мы должны сжечь дом, — сказал голос Кролика.

И Аня крикнула из всех сил:

— Если вы это сделаете, я напущу Дину на вас!

Сразу — мертвое молчанье. Аня подумала: «Что они теперь будут делать? Смекалки у них не хватит, чтобы снять крышу».

Через две-три минуты они опять задвигались и прозвучал голос Кролика:

— Сперва одного мешка будет достаточно.

— Мешка чего? — спросила Аня. Но не долго она оставалась в неизвестности: в следующий миг стучащий дождь мелких камушков хлынул в окно, и некоторые из них попали ей в лоб.

«Я положу конец этому!» — подумала Аня и громко крикнула:

— Советую вам перестать! — Что вызвало опять мертвое молчанье.

Аня заметила не без удивленья, что камушки, лежащие на полу, один за другим превращались в крохотные пи-рожки, — и блестящая мысль осенила ее. «Что, если я съем один из этих пи-рожков! — подумала она. — Очень возможно, что он как-нибудь изменит мой рост. И так как я увеличиваться все равно больше не могу, то полагаю, что стану меньше».

Сказано — сделано. И Аня, проглотив пирожок, с радостью заметила, что тотчас рост ее стал убавляться.

Как только она настолько уменьшилась, что была в состоянии пройти в дверь, она сбежала по лестнице и, выйдя наружу, увидела перед домом целое сборище зверьков и птичек. Посредине был бедненький Яшка-Ящерица, поддерживаемый двумя морскими свинками, которые что-то вливали ему в рот из бутылочки. Все они мгновенно бросились к Ане, но она проскочила и пустилась бежать со всех ног, пока не очутилась в спасительной глубине частого леса.

«Первое, что нужно мне сделать, — это вернуться к своему настоящему росту; а второе — пробраться в тот чудесный сад. Вот, кажется, лучший план».

План был, что и говорить, великолепный — очень стройный и простой. Единственной заторой было то, что она не имела ни малейшего представления, как при-

вести его в исполнение; и пока она тревожно вглядывалась в просветы между стволами, резкое твяканье заставило ее поспешно поднять голову.

Исполинский щенок глядел на нее сверху огромными круглыми глазами и, осторожно протягивая лапу, старался дотронуться до ее платья.

— Ах ты мой бедненький! — проговорила Аня ласковым голосом и попыталась было засвистать. Но ей все время ужасно страшно было, что он, может быть, проголодался и в таком случае не преминет съесть ее, несмотря на всю ее ласковость.

Едва зная, что делает, Аня подняла с земли какую-то палочку и протянула ее щенку. Тот с радостным взвизгом подпрыгнул на воздух, подняв сразу все четыре лапы, и игриво кинулся на палочку, делая вид, что хочет ее помять. Тогда Аня, опасаясь быть раздавленной, юркнула под защиту огромного чертополоха,

но только она высунулась с другой стороны, как щенок опять кинулся на палочку и полетел кувырком от слишком большой поспешности. Ане казалось, что это игра с бегомотом, который может каждую минуту ее растоптать. Она опять обежала чертополох, и тут щенок разыгрался вовсю: он перебирал лапами вправо и влево, предпринимал ряд коротких нападений, всякий раз немного приближаясь и очень далеко отбегая, и все время хрипло полаивал, пока наконец не устал. Тогда он сел поодаль, трудно дыша, высунув длинный, малиновый язык и полузакрыв огромные глаза.

Это для Ани и послужило выходом: она кинулась бежать и неслась до тех пор, пока лай щенка не замер в отдалении.

«А все же, какой это был душка! — сказала Аня, в изнеможении прислоняясь к лютику и обмахиваясь одним из его листков. — Как хорошо, если бы я могла научить его всяким штукам, но только вот — я слишком мала! Боже мой! Я и забыла, что не выросла снова! Рассудим, как бы достигнуть этого? Полагаю, что

нужно что-либо съесть или выпить. Но что именно — вот вопрос».

Аня посмотрела вокруг себя — на цветы, на стебли трав. Ничего не было такого, что можно было бы съесть или выпить. Вблизи был большой гриб, приблизительно одного роста с ней, и после того как она посмотрела под ним и с боков, ей пришла мысль, что можно посмотреть, не находится ли что-либо наверху.

Она, встав на цыпочки, вытянула шею и тотчас же встретилась глазами с громадной голубой гусеницей, которая, скрестив руки, сидела на шапке гриба и преспокойно курила длинный кальян, не обращая ни малейшего внимания ни на Аню, ни на что другое.

Совет Гусеницы

усеница и Аня долго смотрели друг на друга молча.

Наконец Гусеница вынула кальян изо рта и обратилась к Ане томным, сонным голосом.

— Кто ты? — спросила Гусеница.

Это было не особенно подбадривающим началом для разговора. Аня отвечала несколько застенчиво:

Глава 5

— Я... я не совсем точно знаю, кем я была, когда встала утром, а кроме того, с тех пор я несколько раз «менялась».

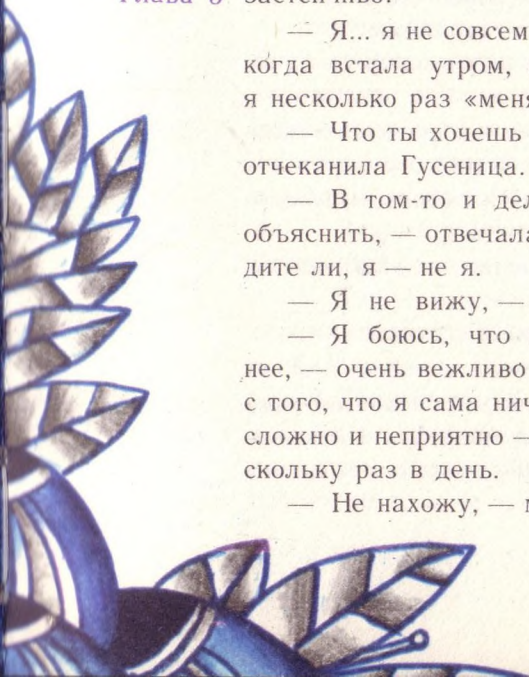
— Что ты хочешь сказать этим? — сердито отчеканила Гусеница. — Объяснись!

— В том-то и дело, что мне трудно себя объяснить, — отвечала Аня, — потому что, видите ли, я — не я.

— Я не вижу, — сухо сказала Гусеница.

— Я боюсь, что не могу выразиться яснее, — очень вежливо ответила Аня. — Начать с того, что я сама ничего не понимаю: это так сложно и неприятно — менять свой рост по несколько раз в день.

— Не нахожу, — молвила Гусеница.

— Может быть, вы этого сейчас не находите, — сказала Аня, — но когда вам придется превратиться в куколку — а это, вы знаете, неизбежно, — а после в бабочку, то вы, наверно, почувствуете себя скверно.

— Ничуть, — ответила Гусеница.

— Ну, тогда у вас, вероятно, другой характер, — подхватила Аня. — Знаю одно: мне бы это показалось чрезвычайно странным.

— Тебе? — презрительно проговорила Гусеница. — Кто ты?

И разговор таким образом обратился в сказку про белого бычка. Аню немного раздражало то, что Гусеница так скупа на слова, и, выпрямившись, она твердо сказала:

— Мне кажется, вы сперва должны были бы сказать мне, кто вы.

— Почему? — спросила Гусеница.

Опять — затруднительный вопрос. Аня не могла придумать ни одной уважительной причины, и так как Гусеница казалась в чрезвычайно дурном расположении духа, то она пошла прочь.

— Стой! — крикнула Гусеница. — У меня есть нечто важное тебе сообщить.

Это звучало соблазнительно. Аня воротилась.

— Владей собой, — молвила Гусеница.

— Это все? — спросила Аня, с трудом сдерживая негодование.

— Нет, — сказала Гусеница.

Аня решила, что она может подождать, благо ей нечего делать: может быть, она услышит что-нибудь любопытное. В продолжение нескольких минут Гусеница молчаливо попыхивала, но наконец раскрестила руки, опять вынула изо рта кальян и сказала:

— Значит, ты считаешь, что ты изменилась, не так ли?

— Так, — подтвердила Аня. — Я не могу вспомнить вещи, которые всегда знала, и меняю свой рост каждые десять минут.

— Какие вещи? — спросила Гусеница.

— Вот, например, я попробовала прочесть наизусть: «Птичка божия не знает», а вышло совсем не то, — с грустью сказала Аня.

— Прочитай-ка «Скажи-ка, дядя, ведь не даром», — приказала Гусеница.

Аня сложила руки на коленях и начала:

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Тебя считают очень старым:

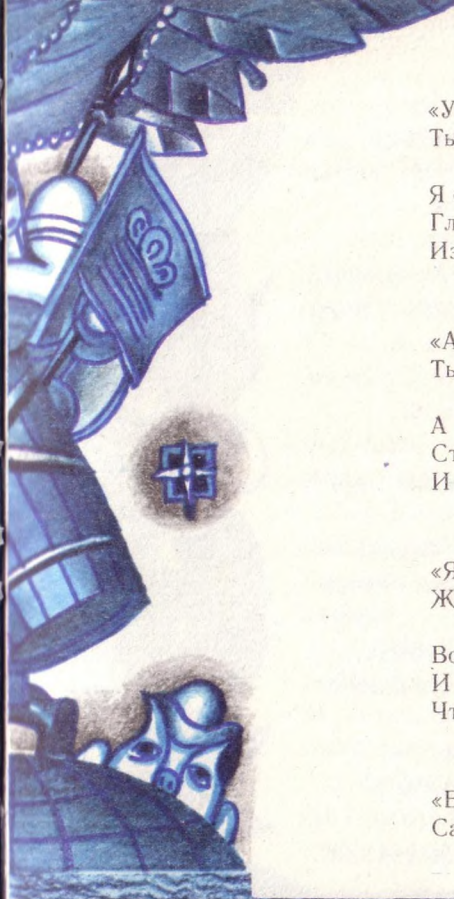
Ведь, право же, ты сед,
И располнел ты несказанно.
Зачем же ходишь постоянно
На голове? Ведь право ж странно
Шалить на склоне лет!»

И молвил он: «В былое время
Держал, как дорогое бремя,
Я голову свою...

Теперь же, скажем откровенно,
Мозгов лишен я совершенно
И с легким сердцем, вдохновенно
На голове стою».

«Ах, дядя, повторяю снова:
Достиг ты возраста честного,
Ты — с весом, ты — с брюшком...
В такие годы ходят плавно.
А ты, о старец своенравный,
Влетел ты в комнату недавно —
Возможно ль? — кувырком!»

«Учись, юнец, — мудрец ответил. —
Ты, вижу, с завистью приметил,
Как легок мой прыжок.
Я с детства маслом мазал ножки,
Глотал целебные лепешки
Из гутаперчи и морошки —
Попробуй-ка, дружок!»

«Ах, дядя, дядя, да скажи же,
Ты стар иль нет? Одною жижей
Питаться бы пора!
А съел ты гуся — да какого!
Съел жадно, тщательно, толково,
И не осталось от жаркого
Ни одного ребра!»

«Я как-то раз (ответил дядя,
Живот величественно глядя)
Решал с женой моей
Вопрос научный, очень спорный,
И спор наш длился так упорно,
Что отразился благотворно
На силе челюстей».

«Еще одно позволь мне слово:
Сажаеть ты угря живого
На угреватый нос.

Его подкинешь два-три раза,
Поймаешь... Дядя, жду рассказа:
Как приобрел ты верность глаза?
Волнующий вопрос!»

«И совершенно неуместный, —
Заметил старец. — Друг мой, честно
Ответил я на три
Твои вопроса. Это много». —
И он пошел своей дорогой,
Шепнув загадочно и строго:
«Ты у меня смотри!»

— Это неправильно, — сказала Гусеница.

— Не совсем правильно, я боюсь, — робко отвечала Аня, — некоторые слова как будто изменились.

— Неправильно с начала до конца, — решила Гусеница, и за этим последовало молчанье.

Гусеница первая заговорила.

— Какого роста ты желаешь быть? — спросила она.

— Ах, это мне более или менее все рав-

но, — ответила Аня поспешно. — Но только, знаете ли, неприятно меняться так часто.

— Я не знаю, — сказала Гусеница.

Аня промолчала; никто никогда не перечил ей так, и она чувствовала, что теряет терпенье.

— А сейчас вы довольны? — осведомилась Гусеница.

— Да как вам сказать? Мне хотелось бы быть чуточку побольше, — сказала Аня. — Три дюйма — это такой глупый рост!

— Это чрезвычайно достойный рост! — гневно воскликнула Гусеница, взвываясь на дыбы (она была как раз вышиной в три дюйма).

— Но я к этому не привыкла! — жалобно протянула бедная Аня. И она подумала про себя: «Ах, если бы эти твари не были так обидчивы!»

— Со временем привыкнешь! — сказала Гусеница и опять сунула в рот кальянную трубку и принялась курить.

Аня терпеливо ждала, чтобы она вновь заговорила. Через несколько минут Гусеница вынула трубку, раз, два зевнула и потянулась. Затем она мягко слезла с гриба и уползла в траву.

— Один край заставит тебя вырасти, другой — уменьшиться, — коротко сказала она не оглядываясь.

«Один край чего? Другой край чего?» — подумала Аня.

— Грибной шапки, — ответила Гусеница, словно вопрос задан был громко, и в следующий миг она скрылась из виду.

Аня осталась глядеть задумчиво на гриб, стараясь уяснить себе, какая левая сторона и какая правая. И так как шапка была совершенно круглая, вопрос представлялся нелегкий. Наконец она протянула руки насколько могла, обхватила шапку гриба и отломала обеими руками по одному кусочку с того и другого края.

«Какой же из них заставит меня вырасти?» — сказала она про себя и погрызла кусочек в правой руке, чтобы узнать последствие.

Тотчас же она почувствовала сильный удар в подбородок и в ногу — они столкнулись!

Внезапность этой перемены очень ее испугала. Нельзя было терять времени — она быстро таяла. Тогда она принялась за другой кусочек. Подбородок ее был так твердо прижат к ноге, что нелегко было открыть рот. Но наконец ей это удалось, и она стала грызть кусочек, отломанный с левого края.

. . . . .

«Слава богу, голова моя освободилась!» — радостно воскликнула Аня, но тотчас же тревожно смолкла, заметив, что плечи ее исчезли из вида. Все, что она могла различить, глядя вниз, была длиннейшая шея, взвивающаяся из моря зелени.

«Что это зеленое? — спросила себя Аня. — И куда же исчезли мои бедные плечи? И как же это я не могу рассмотреть мои бедные руки?»

Она двигала ими, говоря это, но вызывала только легкое колебание в листве, зеленеющей далеко внизу.

Так как невозможно было поднять руки

к лицу, она попробовала опустить голову к рукам и с удовольствием заметила, что шея ее, как змея, легко сгибается в любую сторону. Она обратила ее в изящную извилину и уже собиралась нырнуть в зелень (которая оказалась не чем иным, как верхушками тех самых деревьев, под которыми она недавно бродила) — но вдруг резкое шипенье заставило ее откинуться: крупный голубь, налетев на нее, яростно бил ее крыльями по щекам.

— Змея! — шипел Голубь.

— Я вовсе не змея, — в негодовании сказала Аня.

— Змея, — повторил Голубь, но уже тише, и прибавил, как бы всхлипнув: — Я уже испробовал всевозможные способы и ничего у меня не выходит.

— Я совершенно не знаю, о чем вы говорите, — сказала Аня.

— Пробовал я корни деревьев и речные скаты и кустарники, — продолжал

Голубь, не обращая на нее внимания, —
но эти змеи! Никак им не угодишь!

Недоумение Ани все росло. Но ей казалось, что не стоит перебивать Голубя.

— И так нелегко высиживать яйца, —
воскликнул он, — а тут еще изволь днем
и ночью оберегать их от змей! Да ведь я
глаз не прикрыл за последние три недели!

— Мне очень жаль, что вас тревожи-
ли, — сказала Аня, которая начинала
понимать, к чему он клонит.

— И только я выбрал самое высокое
дерево во всем лесу, — продолжал Голубь,
возвышая голос до крика, — и только
успел порадоваться, что от них отделался,
как нате вам, они, вертялые гадины,
с неба спускаются. Прочь, змея!

— Да я же говорю вам — я вовсе не
змея! — возразила Аня. — Я... я... я...

— Ну? Кто же ты? — взвизгнул Го-
лубь. — Вижу, что ты стараешься при-
думать что-нибудь.

— Я — маленькая девочка, — проговорила Аня не совсем уверенно, так как вспомнила, сколько раз она менялась за этот день.

— Правдоподобно, нечего сказать! — презрительно прошипел Голубь. — Немало я видел маленьких девочек на своем веку, но девочки с такой шеей — никогда! Нет, нет! Ты — змея, и нечего это отрицать. Ты еще скажи, что никогда не пробовала яиц!

— Разумеется, пробовала, — ответила правдивая Аня, — но ведь девочки столько же едят яйца, как и змеи.

— Не думаю, — сказал Голубь. — Но если это и правда, то, значит, они тоже в своем роде змеи — вот и все.

Ане показалось это совсем новой мыслью, и она замолчала на несколько мгновений, что дало Голубю возможность добавить:

— Ты ищешь яйца, это мне хорошо известно, и безразлично мне, девочка ты или змея!

— Мне это не все равно, — поспешно ска-

зала Аня. — Но дело в том, что я яиц не ищу, а если б и искала, то во всяком случае мне не нужны были бы ваши: я не люблю их сырыми.

— Тогда убирайся, — проворчал Голубь и с обиженным видом опустил в свое гнездо. Аня же скрючилась между деревьями, причем шея ее все запутывалась в ветвях, и ей то и дело приходилось останавливаться, чтобы распутать ее.

Вспомнив, что в руках у нее осталось оба кусочка гриба, она осторожно принялась за них, отгрызая немного то от одного, то от другого и становясь то выше, то ниже, пока наконец не вернулась к своему обычному росту.

Так много времени прошло с тех пор, как была она сама собой, что сперва ей показалось это даже несколько странным. Но вскоре она привыкла и стала сама с собой говорить.

«Ну вот, первая часть моего плана выполнена! Как сложны были все эти переме-

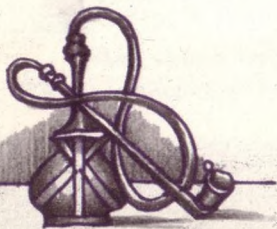
ны! Никогда не знаешь, чем будешь через минуту! Как бы ни было, а теперь я обычного роста. Следующее — это пробраться в чудесный сад — но как это сделать, как это сделать?»

Так рассуждая, она внезапно вышла на прогалину и увидела крошечный домик около четырех футов* вышины.

«Кто бы там ни жил, — подумала Аня, — нехорошо явиться туда в таком виде: я бы до чертиков испугала их своей величиной!» Она опять принялась за правый кусочек гриба и только тогда направилась к дому, когда уменьшилась до десяти дюймов.

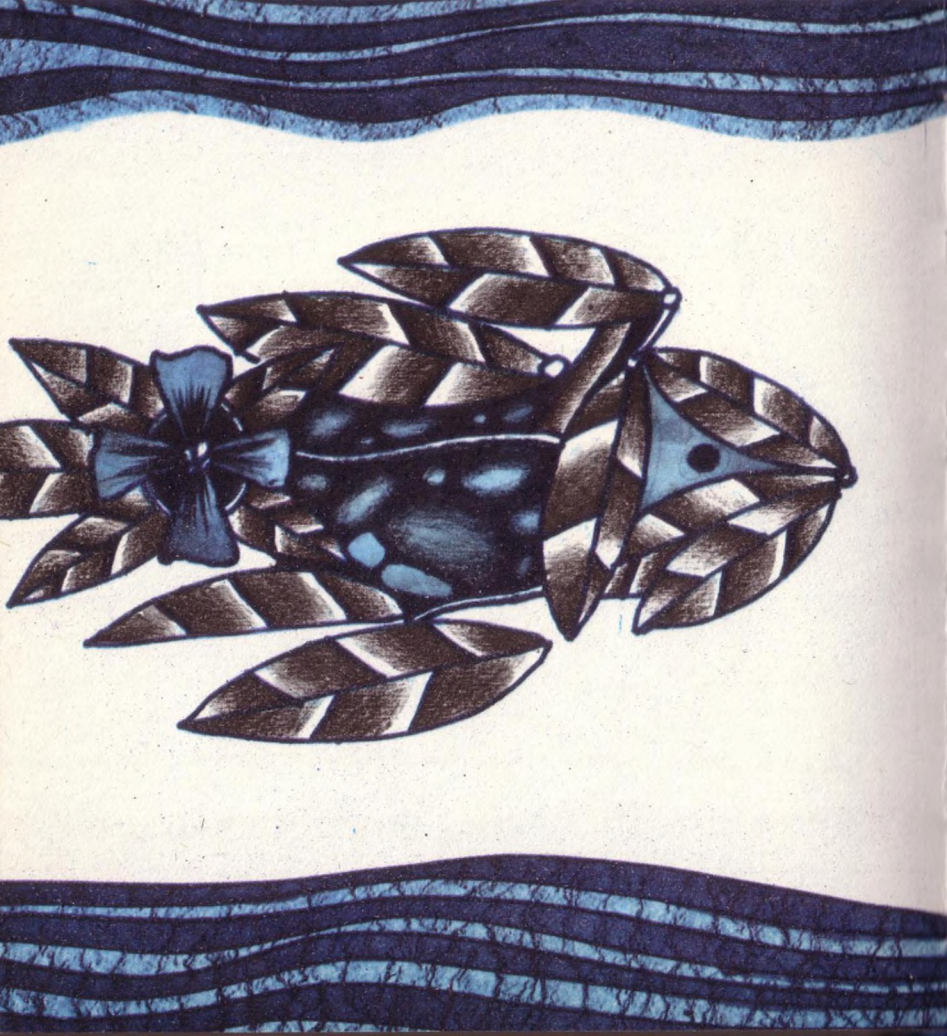
---

* Ф у т — английская мера длины, равная примерно 0,3 метра; $\frac{1}{12}$ фута равна дю й м у.

Моросенок и перцы

екоторое время она глядела на домик молча. Вдруг из леса выбежал пышный лакей (она приняла его за лакея благодаря ливрее: иначе, судя по его лицу, она назвала бы его рыбой) и громко постучал костяшками рук о дверь. Отпер другой лакей, тоже в пышной ливрее, раскоряченный, лупоглазый, необычайно похожий на лягушку. И у обоих волосы были мелко завиты и густо напудрены.

Глава 6

Ане было очень любопытно узнать, что будет дальше, и, стоя за ближним стволом, она внимательно прислушивалась.

Лакей-Рыба начал с того, что вытащил из-под мышки запечатанный конверт величиной с него самого и, протянув его лакею, открывшему дверь, торжественно произнес:

— Для Герцогини. Приглашение от Королевы на игру в крокет.

Лакей-Лягушка таким же торжественным тоном повторил, слегка изменив порядок слов:

— От Королевы. Приглашение для Герцогини на игру в крокет.

Затем они оба низко поклонились и спутались завитками.

Аню это так рассмешило, что она опять скрылась в чашу, боясь, что они услышат ее хохот, и когда она снова выглянула, то уже Лакея-Рыбы не было, а другой сидел на пороге, тупо глядя в небо.

Аня подошла к двери и робко постучала.

— Стучать не к чему, — сказал лакей, не глядя на нее, — ибо, во-первых, я на той же стороне от двери, как и вы, а во-вторых, в доме такая возня, что никто вашего стука все равно не услышит.

И действительно, внутри был шум необычайный: безостановочный рев и чиханье, а порою оглушительный треск разбиваемой посуды.

— Скажите мне, пожалуйста, — проговорила Аня, — как же мне туда войти?

— Был бы какой-нибудь прок от вашего стука, — продолжал лакей, не отвечая ей, — когда бы дверь была между нами. Если б вы, например, постучали бы изнутри, то я мог бы вас, так сказать, выпустить.

При этом он не отрываясь глядел вверх, что показалось Ане чрезвычайно неучтиво. «Но, быть может, он не может иначе, — подумала она. — Ведь глаза у него на лбу. Но по крайней мере он мог бы ответить на вопрос».

— Как же я войду? — повторила она громко.

— Я буду здесь сидеть, — заметил лакей, — до завтрашнего дня.

Тут дверь дома на миг распахнулась, и большая тарелка, вылетев оттуда, пронеслась дугой над самой головой лакея, легко коснувшись кончика его носа, и разбилась о соседний ствол.

— И пожалуй, до послезавтра, — продолжал лакей совершенно таким же голосом, как будто ничего и не произошло.

— Как я войду? — настаивала Аня.

— Удастся ли вообще вам войти? — сказал лакей. — Вот, знаете, главный вопрос.

Он был прав. Но Ане было неприятно это возражение.

«Это просто ужас, — пробормотала она, —

как все эти существа любят рассуждать. С ними с ума можно сойти!»

Лакей воспользовался ее молчаньем, повторив прежнее свое замечание с некоторым дополнением.

— Я буду здесь сидеть, — сказал он, — по целым дням, по целым дням... без конца...

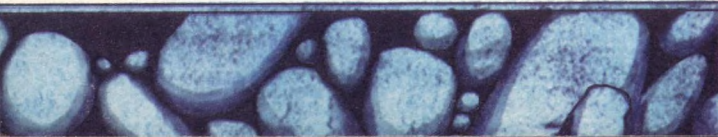
— А что же мне-то делать? — спросила Аня.

— Все, что хотите, — ответил лакей и стал посвистывать.

— Ну его, все равно ничего не добьюсь, — воскликнула Аня в отчаянии. — Он полный дурак! — И она отворила дверь и вошла в дом.

Очутилась она в просторной кухне, сплошь отуманенной едким дымом. Герцогиня сидела посредине на стуле о трех ногах и нянчила младенца; кухарка нагибалась над очагом, мешая суп в огромном котле.

«Однако сколько в этом супе перца!» — подумала Аня, расчихавшись.

Да и весь воздух был заражен. Герцогиня и та почихивала; ребенок же чихал и орал попеременно, не переставая ни на одно мгновение.

Единственные два существа на кухне, которые не чихали, были кухарка и большой кот, который сидел у плиты и широко ухмылялся.

— Будьте добры мне объяснить, — сказала Аня робко, так как не знала, учтиво ли с ее стороны заговорить первой. — Почему это ваш кот ухмыляется так?

— Это — Масленичный Кот, — отвечала Герцогиня, — вот почему. Хрюшка!

Последнее слово было произнесено так внезапно и яростно, что Аня так и подскочила; но она сейчас же поняла, что оно обращено не к ней, а к младенцу, и, набравшись смелости, заговорила опять:

— Я не знала, что такие коты постоянно ухмыляются. Впрочем, я вообще не знала, что коты могут это делать.

— Не всегда коту масленица, — отве-

тила Герцогиня. — Моему же коту — всегда. Вот он и ухмыляется.

— Я этого никогда не знала, — вежливо сказала Аня. Ей было приятно, что завязался умный разговор.

— Ты очень мало что знаешь, — отрезала Герцогиня. — Это ясно.

Ане не понравился тон этого замечания, и она подумала, что хорошо бы перевести разговор на что-нибудь другое.

Пока она старалась найти тему, кухарка сняла с огня котел с супом и тотчас же принялась швырять в Герцогиню и в ребенка все, что попадалось ей под руку: кочерга и утюг полетели первыми, потом градом посыпались блюда, тарелки, миски. Герцогиня не обращала на них никакого внимания, даже когда они попадали в нее; ребенок же орал беспрестанно, так что все равно нельзя было знать, когда ему больно — когда нет.

— Ах, ради бога, будьте осторожны! — вскрикивала Аня, прыгая на месте от нестерпимого страха. — Ах, вот отлетел его бесценный

нос! — взвизгнула она, когда большая тарелка чуть не задела младенца.

— Если б никто не совался в чужие дела, — сказала хриплым басом Герцогиня, — земля вертелась бы куда скорее.

— Что не было бы преимуществом, — заметила Аня, воспользовавшись случаем, чтобы показать свое знание. — Подумайте только, как укоротился бы день. Земля, видите ли, берет двадцать четыре часа...

— В таком случае, — рывкнула Герцогиня, — отрубить ей голову.

Аня с тревогой поглядела на кухарку, не собирается ли она исполнить это приказание, но кухарка ушла с головой в суп и не слушала.

Аня решилась продолжать:

— Двадцать четыре часа, кажется, — или двенадцать? Я...

— Увольте, — сказала Герцогиня. — Я никогда не могла выносить вычисления!

И она стала качать своего младенца, выкрикивая при этом нечто вроде колыбельной

песни и хорошенько встряхивая его после каждого стиха:

— Вой, младенец мой прекрасный,
А чихнешь — побью!
Ты нарочно — это ясно...
Баюшки-баю.

Х о р
(при участии кухарки и ребенка)
Ау! Ау! Ау! Ау!

— То ты синий, то ты красный,
Бью и снова бью!
Перец любишь ты ужасно.
Баюшки-баю.

Х о р
Ау! Ау! Ау! Ау! Ау! Ау!

— Эй вы там, можете понянчить его, если хотите, — сказала Герцогиня, обращаясь к Ане, и, как мяч, кинула ей ребенка. — Я же должна

пойти одеться, чтобы отправиться играть в крокет с Королевой.

И она поспешно вышла. Кухарка швырнула ей вслед кастрюлю, но промахнулась на волос.

Аня схватила ребенка с некоторым трудом: это было несуразное маленькое существо, у которого ручки и ножки торчали во все стороны («Как у морской звезды», — подумала Аня). Оно, бедное, напряженно сопело и, словно куколка, то скрючивалось, то выпрямлялось, так что держать его было почти невозможно.

Наконец Аня нашла верный способ (то есть скрутила его в узел и крепко ухватила за его правое ушко и левую ножку, не давая ему таким образом раскрутиться) и вышла с ним на свежий воздух.

«Не унеси я его, они бы там, конечно, его убили, — подумала Аня. — Было бы преступление его оставить».

Последние слова она произнесла громко, и ребенок в ответ хрюкнул (он уже перестал чихать к тому времени).

— Не хрюкай, — сказала Аня. — Вежливые люди выражаются иначе.

Но младенец хрюкнул опять, и Аня с тревогой взглянула на него. Странное было личико: вздернутый нос, вроде свиного рыльца, крохотные гляделки, вовсе не похожие на детские глаза. Ане все это очень не понравилось. «Но, может быть, он просто всхлипывает», — подумала она и посмотрела, нет ли слез на ресницах. Но не было ни ресниц, ни слез.

— Если ты собираешься, мой милый, обратиться в поросенка, — твердо сказала Аня, — то я с тобой никакого дела иметь не хочу. Смотри ты у меня!

Бедное маленькое существо снова всхлипнуло (или хрюкнуло — разобрать было невозможно), и Аня некоторое время несла его молча.

Аня начинала уже недоумевать — что же она с ним будет делать дома, как вдруг он

хрюкнул так громко, что она с некоторым испугом поглядела ему в лицо. На этот раз сомнения не оставалось: это был самый настоящий поросенок, так что глупо было с ним возиться. Аня опустила поросенка наземь, и тот, теряя чепчик на бегу, спокойно затрусил прочь и вскоре скрылся в чаще, что очень обрадовало ее.

«Он в будущем был бы ужасно уродлив, как ребенок, — сказала она про себя, — но свинья, пожалуй, вышла бы из него красивая». И она стала размышлять о других ей знакомых детях, которые годились бы в поросята. «Если б только знать, как изменить их», — подумала она и вдруг, встрепенувшись, заметила, что на суку ближнего дерева сидит Масленичный Кот.

Он только ухмыльнулся, увидя Аню. Вид у него был добродушный, хотя когти были длиннейшие, а по количеству зубов он не уступал крокодилу. Поэтому Аня

почувствовала, что нужно относиться к нему с уважением.

— Масленичный Котик, — робко заговорила она, не совсем уверенная, понравится ли ему это обращение. Однако он только шире осклабился. «Пока что он доволен», — подумала Аня и продолжала: — Котик, не можете ли вы мне сказать, как мне выйти отсюда.

— Это зависит, куда вам нужно идти, — сказал Кот.

— Мне-то, в общем, все равно куда, — начала Аня.

— Тогда вам все равно, какую дорогу взять, — перебил ее Кот.

— Только бы придти куда-нибудь, — добавила Аня в виде объяснения.

— Придти-то вы придете, — сказал Кот, — если будете идти достаточно долго.

Аня почувствовала, что отрицать этого нельзя. Она попробовала задать другой вопрос:

— Какого рода люди тут живут?

— Вон там, — сказал Кот, помахав правой лапой, — живет Шляпник, а вон там (он помахал левой) живет Мартовский Заяц. Навести-ка их: оба они сумасшедшие.

— Но я вовсе не хочу общаться с сумасшедшими, — заметила Аня.

— Ничего уж не поделаешь, — возразил Кот. — Мы все здесь сумасшедшие. Я безумен. Вы безумны.

— Откуда вы знаете, что я безумная? — спросила Аня.

— Должны быть. Иначе вы сюда не пришли бы.

Аня не нашла это доказательством. Однако она продолжала:

— А как вы знаете, что вы сами сумасшедший?

— Начать с того, — ответил Кот, — что собака, например, не сумасшедшая. Вы с этим согласны?

— Пожалуй, — сказала Аня.

— Ну так вот, — продолжал Кот, —

собака рычит, когда сердита, и виляет хвостом, когда довольна. Я же рычу, когда доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Заключение: я — сумасшедший.

— Я называю это мурлыканьем, а не рычаньем, — проговорила Аня.

— Называйте чем хотите, — сказал Кот. — Играете ли вы сегодня в крокет с Королевой?

— Я очень бы этого хотела, — ответила Аня, — но меня еще не приглашали.

— Вы меня там увидите, — промолвил Кот и исчез.

Это не очень удивило Аню: она уже привыкла к чудесам. Пока она глядела на то место, где только что сидел Кот, он вдруг появился опять.

— Кстати, что случилось с младенцем? — спросил он.

— Он превратился в поросенка, — ответила Аня совершенно спокойно, словно Кот вернулся естественным образом.

— Я так и думал, — ответил Кот и снова испарился.

Аня подождала немного, думая, что, может, он опять появится, а затем пошла по тому направлению, где, по его словам, жил Мартовский Заяц.

«Шляпников я и раньше видала, — думала она. — Мартовский Заяц куда будет занятнее, и к тому же, так как мы теперь в мае, он не будет буйно-помешанный, по крайней мере, не так буйно, как в марте». Тут она взглянула вверх и опять увидела Кота, сидящего на ветке дерева.

— Вы как сказали — поросенок или опенок? — спросил Кот.

— Я же сказала — поросенок, — ответила Аня. — И я очень бы просила вас не исчезать и не появляться так внезапно: у меня в глазах рябит.

— Ладно, — промолвил Кот и на этот раз стал исчезать постепенно, начиная с кончика хвоста и кончая улыбкой, которая еще осталась некоторое время после того, как остальное испарилось.

«Однако! — подумала Аня. — Мне часто

приходилось видеть кота без улыбки, но улыбку без кота — никогда. Это просто поразительно».

Вскоре она пришла к дому Мартовского Зайца. Не могло быть сомнения, что это был именно его дом: трубы были в виде ушей, а крыша была крыта шерстью. Дом был так велик, что она не решилась подойти раньше, чем не откусила кусочек от левого ломтика гриба. И даже тогда она робела: а вдруг он все-таки буйствует! «Пожалуй, лучше было бы, если бы я посетила Шляпника!»

Сумасшедшие
ноют дай

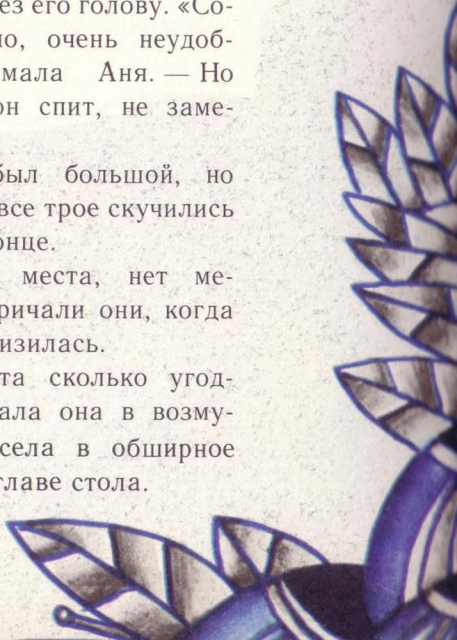
Глава 7

Перед домом под деревьями был накрыт стол: Мартовский Заяц и Шляпник пили чай. Зверек Соня сидел между ними и спал крепким сном. Они же облакачивались на него, как на подушку, и говорили через его голову. «Соне, наверно, очень неудобно, — подумала Аня. — Но впрочем, он спит, не замечает».

Стол был большой, но почему-то все трое скучились в одном конце.

— Нет места, нет места, — закричали они, когда Аня приблизилась.

— Места сколько угодно, — сказала она в возмущении и села в обширное кресло во главе стола.

— Можно вам вина? — бодро предложил Мартовский Заяц.

Аня оглядела стол: на нем ничего не было, кроме чая и хлеба с маслом.

— Я никакого вина не вижу, — заметила она.

— Никакого и нет, — сказал Мартовский Заяц.

— В таком случае не очень было вежливо предлагать мне его, — рассердилась Аня.

— Не очень было вежливо садиться без приглашения, — возразил Мартовский Заяц.

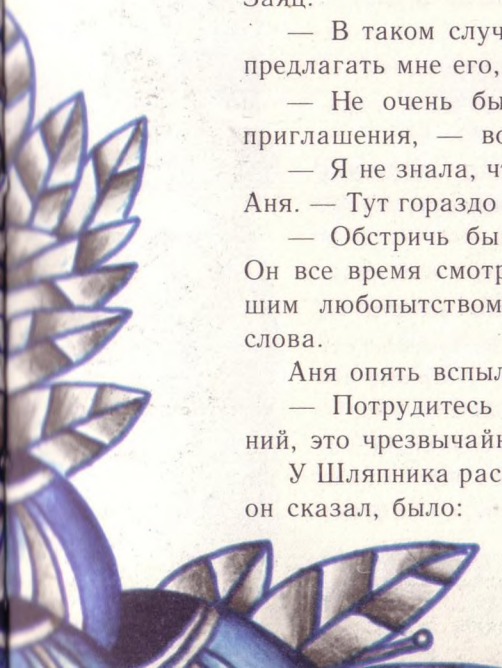
— Я не знала, что это ваш стол, — сказала Аня. — Тут гораздо больше трех приборов.

— Обстричь бы вас, — заметил Шляпник. Он все время смотрел на волосы Ани с большим любопытством, и вот были его первые слова.

Аня опять вспылила:

— Потрудитесь не делать личных замечаний, это чрезвычайно грубо.

У Шляпника расширились глаза, но все, что он сказал, было:

— Какое сходство между роялем и слоном?

«Вот это лучше, — подумала Аня. — Я очень люблю такого рода загадки. Повеселимся».

— Мне кажется, я могу разгадать это, — добавила она громко.

— Вы говорите, что знаете ответ? — спросил Мартовский Заяц.

Аня кивнула.

— А вы знаете, что говорите? — спросил Мартовский Заяц.

— Конечно, — поспешно ответила Аня. — По крайней мере, я говорю, что знаю. Ведь это то же самое.

— И совсем не то же самое, — воскликнул Шляпник. — Разве можно сказать: «Я вижу, что ем», вместо: «Я ем, что вижу»?

— Разве можно сказать, — пробормотал Соня, словно разговаривая во сне, — «Я дышу, пока сплю», вместо: «Я сплю, пока дышу»?

— В твоём случае можно, — заметил

Шляпник, и на этом разговор иссяк, и все сидели молча, пока Аня вспоминала все, что знала насчет роялей и слонов, — а знала она не много.

Шляпник первый прервал молчанье.

— Какое сегодня число? — спросил он, обращаясь к Ане. При этом он вынул часы и тревожно на них глядел, то встряхивая их, то прикладывая их к уху.

Аня подумала и сказала:

— Четвертое.

— На два дня отстают, — вздохнул Шляпник. — Я говорил тебе, что твое масло не подойдет к механизму, — добавил он, недовольно глядя на Мартовского Зайца.

— Масло было самое свежее, — кротко возразил Мартовский Заяц.

— Да, но, вероятно, и крошки попали, — пробурчал Шляпник. — Ты не должен был мазать хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы и мрачно на них посмотрел, потом окунул их в свою чашку, расплескав чай, и посмотрел опять.

— Это было самое свежее масло, — повторил он удивленно.

Аня с любопытством смотрела через его плечо.

— Какие забавные часы! — воскликнула она. — По ним можно узнать, которое сегодня число, а который час — нельзя.

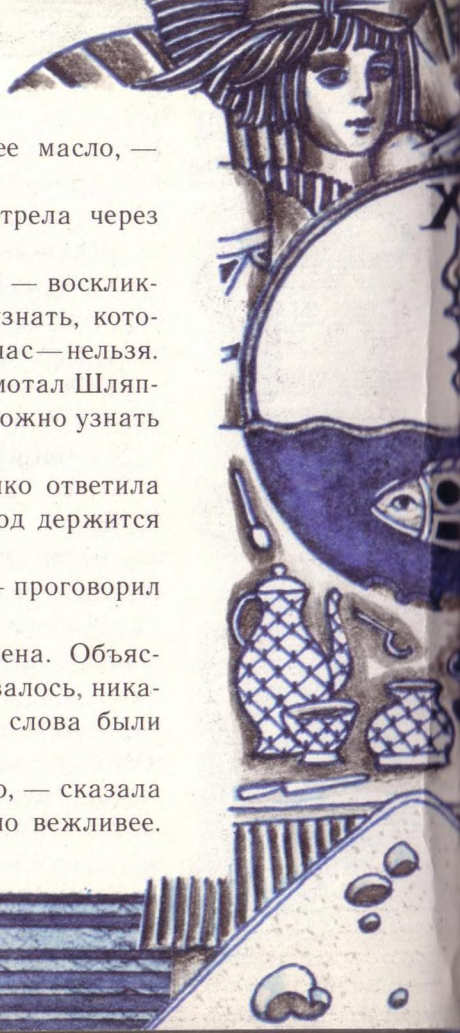
— Ну и что же, — пробормотал Шляпник. — Или по вашим часам можно узнать время года?

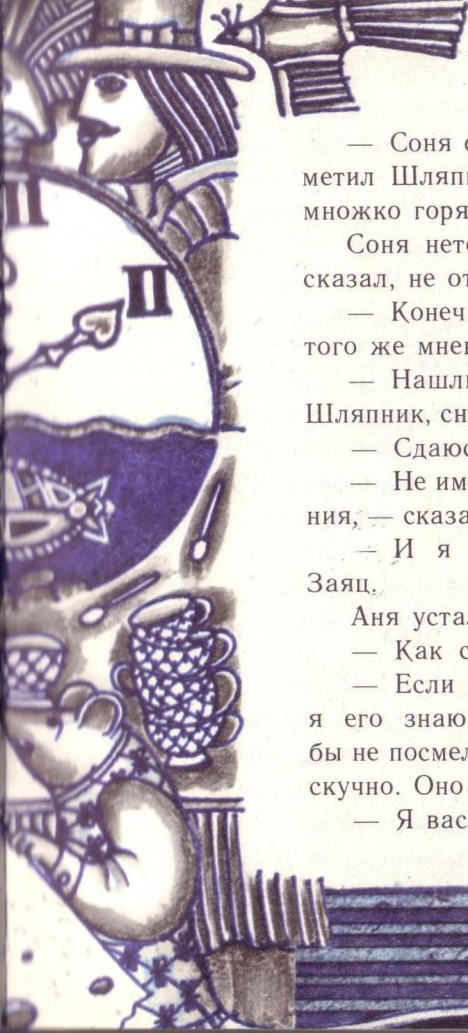
— Разумеется, нет, — бойко ответила Аня. — Ведь один и тот же год держится так долго.

— В том-то и штука, — проговорил Шляпник.

Аня была ужасно озадачена. Объяснение Шляпника не имело, казалось, никакого смысла, а вместе с тем слова были самые простые.

— Я не совсем понимаю, — сказала она, стараясь быть как можно вежливее.

— Соня опять спит, — со вздохом заметил Шляпник и вылил ему на нос немножко горячего чая.

Соня нетерпеливо помотал головой и сказал, не открывая глаз:

— Конечно, конечно, я совершенно того же мнения.

— Нашли разгадку? — спросил Шляпник, снова повернувшись к Ане.

— Сдаюсь! — объявила Аня. — Как же?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал Шляпник.

— И я тоже, — сказал Мартовский Заяц.

Аня устало вздохнула:

— Как скучно так проводить время!

— Если бы вы знали Время так, как я его знаю, — заметил Шляпник. — Вы бы не посмели сказать, что его провожать скучно. Оно самолюбиво.

— Я вас не понимаю, — сказала Аня.

— Конечно нет! — воскликнул Шляпник, презрительно мотнув головой. — Иначе вы бы так не расселись.

— Я только села на время, — кротко ответила Аня.

— То-то и есть, — продолжал Шляпник. — Время не любит, чтобы на него садились. Видите ли, если бы вы его не обижали, оно делало бы с часами все, что хотите. Предположим, было бы десять часов утра. Вас зовут на урок. А тут вы бы ему, Времени-то, намекнули — и мигом закружились бы стрелки: два часа, пора обедать.

«Ах, пора!» — шепнул про себя Мартовский Заяц.

— Это было бы великолепно, — задумчиво проговорила Аня. — Но только, знаете, мне, пожалуй, не хотелось бы есть.

— Сначала, может быть, и не хотелось бы, — сказал Шляпник, — но ведь вы бы могли подержать стрелку на двух часах до тех пор, пока не проголодались бы.

— И вы так делаете? — спросила Аня.

Шляпник уныло покачал головой.

— Куда мне? — ответил он. — Мы с Временем рассорились в прошлом Мартобре, когда этот, знаете, начинал сходить с ума (он указал чайной ложкой на Мартовского Зайца), а случилось это так: Королева давала большой музыкальный вечер, и я должен был петь:

«Рыжик, рыжик, где ты был?
На полянке дождик пил?»

Вы, может быть, эту песню знаете?

— Я слышала нечто подобное, — ответила Аня.

— Не думаю, — сказал Шляпник. — Дальше идет так:

«Выпил каплю, выпил две,
Стало сыро в голове!»

Тут Соня встряхнулся и стал петь во сне: «Сыро, сыро, сыро, сыро...» — и пел так долго, что остальным пришлось его щипать, чтобы он перестал.

— Ну так вот, — продолжал Шляпник, — только начал я второй куплет, вдруг Королева

как вскочит да гаркнет: «Он губит время! Отрубить ему голову!»

— Как ужасно жестоко! — воскликнула Аня.

— И с этой поры, — уныло добавил Шляпник, — Время отказывается мне служить: теперь всегда пять часов.

— Потому-то и стоит на столе так много чайной посуды? — спросила Аня.

— Да, именно потому, — вздохнул Шляпник. — Время всегда — время чая, и мы не успеваем мыть чашки.

— Так, значит, вы двигаетесь вокруг стола от одного прибора к другому? — сказала Аня.

— Да, — ответил Шляпник, — от одного к другому, по мере того, как уничтожаем то, что перед нами.

— А что же случается, когда вы возвращаетесь к началу? — полюбопытствовала Аня.

— Давайте-ка переменим разговор, — перебил Мартовский Заяц зевая. — Мне это начинает надоедать. Предлагаю, чтобы барышня рассказала нам что-нибудь.

— Я ничего не знаю, — сказала Аня, несколько испуганная этим предложением.

— Тогда расскажет Соня! — воскликнули оба. — Проснись, Соня!

И они одновременно ущипнули его с обеих сторон.

Соня медленно открыл глаза.

— Я вовсе не спал, — проговорил он слабым хриплым голосом. — Я слышал, господа, каждое ваше слово.

— Расскажи нам сказку, — попросил Мартовский Заяц.

— Да, пожалуйста, — протянула Аня.

— И поторопись! — добавил Шляпник. — А то уснешь не докончив.

— Жили-были три сестренки, — начал Соня с большой поспешностью, — и звали их: Маса, Паса и Даса. И жили они в глубине колодца...

— Чем они питались? — спросила Аня.

— Они питались сиропом, — сказал Соня, подумав.

— Это, знаете, невозможно, — кротко встала Аня, — ведь они же были бы больны.

— Так они и были очень больны, — ответил Соня.

Аня попробовала представить себе такую необычайную жизнь, но ничего у нее не вышло. Тогда она задала другой вопрос:

— Почему же они жили в глубине колодца?

— Еще чаю? — вдумчиво сказал Мартовский Заяц, обращаясь к Ане.

— Я совсем не пила, — обиделась Аня, — и потому не могу выпить еще.

— Если вы еще чаю не пили, — сказал Шляпник, — то вы можете еще чаю выпить.

— Никто не спрашивал вашего мнения, — воскликнула Аня.

— А кто теперь делает личные замечания? — проговорил Шляпник с торжествующим видом.

Аня не нашлась, что ответить. Она налила себе чаю и взяла хлеба с маслом. Потом она обратилась к Соне:

— Почему же они жили в глубине колодца?

Соня опять несколько минут подумал и наконец сказал:

— Это был сироповый колодец.

— Таких не бывает, — рассердилась было Аня, но Шляпник и Мартовский Заяц зашипели:

— Шш, шш!

А Соня, надувшись, пробормотал:

— Если вы не можете быть вежливы, то заканчивайте рассказ сами.

— Нет, пожалуйста, продолжайте, — сказала Аня очень смиренно. — Я не буду вас больше прерывать. Пожалуйста, хоть какой-нибудь рассказ!

— Какой-нибудь, — возмущенно просопел Соня. Однако он согласился продолжать: — Итак, эти три сестрички, которые, знаете, учились черпать...

— Что они черпали? — спросила Аня, забыв свое обещание.

— Сироп! — сказал Соня, уже вовсе не подумав.

— Я хочу чистую чашку, — перебил Шляпник, — давайте подвинемся.

Шляпник подвинулся, за ним Соня. Мартовскому Зайцу досталось место Сони. Аня же неохотно заняла стул Мартовского Зайца. Один Шляпник получил выгоду от этого перемещения: Ане было куда хуже, чем прежде, ибо Мартовский Заяц только что опрокинул кувшин с молоком в свою тарелку.

Аня очень боялась опять обидеть Соню, но все же решилась спросить:

— Но я не понимаю, откуда же они черпали сироп.

Тут заговорил Шляпник:

— Воду можно черпать из обыкновенного колодца? Можно. Отчего же нельзя черпать сироп из колодца сиропового — а, глупая?

— Но ведь они были в колодце, — обратилась она к Соне, пренебрегая последним замечанием.

— Конечно, — ответил Соня, — на самом дне.

Это так озадачило Аню, что она несколько минут не прерывала его.

— Они учились черпать и чертить, — про-

должал он, зевая и протирая глаза (ему начало хотеться спать), — черпали и чертили всякие вещи, все, что начинается с буквы М.

— Отчего именно с М? — спросила Аня.

— Отчего бы нет? — сказал Мартовский Заяц.

Меж тем Соня закрыл глаза и незаметно задремал; когда же Шляпник его хорошенько ущипнул, он проснулся с тоненьким визгом и скороговоркой продолжал:

— С буквы М, как, например, мышеловки, месяц, и мысли, и маловатости... видали ли вы когда-нибудь чертеж маловатости?

— Раз уж вы меня спрашиваете, — ответила Аня, чрезвычайно озадаченная, — то я должна сознаться, что никогда.

— В таком случае нечего перебивать, — сказал Шляпник.

Такую грубость Аня уже вытерпеть не могла; она возмущенно встала и удалилась. Соня тотчас же заснул опять, а двое других не обратили никакого внимания на ее уход, хотя она несколько раз оборачивалась, почти надеясь, что они

попросят ее остаться. Оглянувшись последний раз, она увидела, как Шляпник и Мартовский Заяц стараются втиснуть Сою в чайник.

«Будет с меня! — думала Аня, пробираясь сквозь чашу. — Это был самый глупый чай, на котором я когда-либо присутствовала».

Говоря это, она вдруг заметила, что на одном стволе — дверь, ведущая внутрь. «Вот это странно! — подумала она. — Впрочем, все странно сегодня. Пожалуй, войду».

Сказано — сделано.

И опять она оказалась в длинном зале, перед стеклянным столиком. «Теперь я устроюсь лучше», — сказала она себе и начала с того, что взяла золотой ключик и открыла дверь, ведущую в сад. Затем съела сбереженный кусочек гриба и, уменьшившись, вошла в узенький проход; тогда она очутилась в чудесном саду среди цветов и прохладных фонтанов.

*Корнеева
играет в крокет*

ысокое розовое деревцо стояло у входа в сад. Розы на нем росли белые, но три садовника с озабоченным видом красили их в алый цвет. Это показалось Ане очень странным. Она приблизилась, чтобы лучше рассмотреть, и услышала, как один из садовников говорил:

— Будь осторожнее, Пятерка! Ты меня всего обрызгиваешь краской.

Глава 8

— Я нечаянно, — ответил Пятерка кислым голосом. — Меня под локоть толкнул Семерка.

Семерка поднял голову и пробормотал:

— Так, так, Пятерка! Всегда сваливай вину на другого.

— Ты уж лучше молчи, — сказал Пятерка. — Я еще вчера слышал, как Королева говорила, что недурно было бы тебя обезглавить.

— За что? — полюбопытствовал тот, который заговорил первый.

— Это во всяком случае, Двойка, не твое дело! — сказал Семерка.

— Нет, врешь, — воскликнул Пятерка, —

я ему расскажу: это было за то, что Семерка принёс в кухню тюльпановых луковиц вместо простого лука.

Семерка в сердцах кинул кисть, но только он начал: «Это такая несправедливость...» — как взгляд его упал на Аню, смотревшую на него в упор, и он внезапно осекся. Остальные взглянули тоже, и все трое низко поклонились.

— Объясните мне, пожалуйста, — робко спросила Аня, — отчего вы красите эти розы?

Пятерка и Семерка ничего не ответили и поглядели на Двойку. Двойка заговорил тихим голосом:

— Видите ли, в чем дело, барышня: тут должно быть деревцо красных роз, а мы по ошибке посадили белое; если Королева это заметит, то она, знаете, прикажет всем нам отрубить головы. Так что, видите, барышня, мы прилагаем все усилия, чтобы до ее прихода...

Тут Пятерка, тревожно глядевший в глубину сада, крикнул:

— Королева! — И все три садовника разом упали ничком. Близился шелест многих шагов,

и Аня любопытными глазами стала искать Королеву.

Впереди шли десять солдат с пиками на плечах. Они, как и садовник, были совсем плоские, прямоугольные, с руками и ногами по углам. За ними следовали десять придворных с клевверными листьями в петлицах и десять шутов с бубнами. Затем появились королевские дети. Их было тоже десять. Малютки шли парами, весело подпрыгивая, и на их одеждах были вышиты розовые сердца. За ними выступали гости (все больше короли и королевы), и между ними Аня заметила старого своего знакомого — Белого Кролика. Он что-то быстро-быстро лопотал, подергивал усами, улыбался на все, что говорилось, и прошел мимо, не видя Ани. После гостей прошел Червонный Валет, несущий на пунцовой бархатной подушке рубиновую корону. И наконец, замыкая величавое шествие, появился Король Червей со своей Королевой.

Аня не знала, нужно ли ей пасть на лицо, как сделали садовники. Она не могла вспомнить та-

кое правило. «Что толку в шествиях, — подумала она, — если люди должны ложиться ничком и таким образом ничего не видеть?» Поэтому она осталась неподвижно стоять, ожидая, что будет дальше.

Когда шествие поравнялось с Аней, все остановились, глядя на нее, а Королева грозно спросила:

— Кто это?

Вопрос был задан Червонному Вале-ту, который в ответ только поклонился с широкой улыбкой.

— Болван! — сказала Королева, нетерпеливо мотнув головой, и обратилась к Ане: — Как тебя зовут, дитя?

— Меня зовут Аней, ваше величество, — ответила Аня очень вежливо, а затем добавила про себя: «В конце концов все они — только колода карт. Бояться их нечего».

— А кто эти? — спросила Королева, указав на трех садовников, неподвижно лежащих вокруг дерева. Так как они лежали ничком и так как кап на их спинах был точь-в-точь как на изнанке других карт, то Королева не могла узнать, кто они — садовники, солдаты, придворные или трое из ее же детей.

— А я почему знаю? — сказала Аня, дивясь своей смелости. — Мне до этого никакого дела нет!

Королева побагровела от ярости, выпучила на нее свои горящие волчьи глаза и рывкнула:

— Отрубить ей голову! Отруб...

— Ерунда! — промолвила Аня очень громко и решительно, и Королева замолкла.

Король тронул ее за рукав и кротко сказал:

— Рассуди, моя дорогая, ведь это же только ребенок.

Королева сердито отдернула руку и крикнула Валету:

— Переверни их!

Валет сделал это очень осторожно носком одной ноги.

— Встать! — взвизгнула Королева, и все три садовника мгновенно вскочили и стали кланяться направо и налево Королю, Королеве, их детям и всем остальным.

— Перестать! — заревела Королева. — У меня от этого голова кружится.

И, указав на розовое деревцо, она продолжала:

— Чем вы тут занимались?

— Ваше величество, — сказал Двойка униженным голосом и опустился на одно колено, — ваше величество, мы пробовали...

— Понимаю! — проговорила Королева, разглядывая розы. — Отрубить им головы!

И шествие двинулось опять. Позади остались три солдата, которые должны были каз-

нить садовников. Те подбежали к Ане, прося защиты.

— Вы не будете обезглавлены! — сказала Аня и посадила их в большой цветочный горшок, стоящий рядом.

Солдаты побродили, побродили, отыскивая осужденных, а затем спокойно догнали остальных.

— Головы отрублены? — крикнула Королева.

— Голов больше нет, ваше величество! — крикнули солдаты.

— Превосходно! — крикнула Королева. — В крокет умеешь?

Солдаты промолчали и обернулись к Ане, так как вопрос, очевидно, относился к ней.

— Да! — откликнулась Аня.

— Тогда иди! — грянула Королева, и Аня примкнула к шествию.

— Погода... погода сегодня хорошая! — проговорил робкий голос. Это был Белый Кролик. Он шел рядом с Аней и тревожно заглядывал ей в лицо.

— Очень хорошая, —
согласилась Аня. — Где
Герцогиня?

— Тише, тише, — замахал на
нее Кролик. И, оглянувшись, он
встал на цыпочки, приложил рот
к ее уху и шепнул: — Она приго-
ворена к смерти.

— За какую шалость? — осведомилась
Аня.

— Вы сказали: «Какая жалость»? — спро-
сил Кролик.

— Ничего подобного, — ответила Аня. —
Мне вовсе не жалко. Я сказала: за что?

— Она выдрала Королеву за уши, — начал
Кролик. Аня покатилась со смеху.

— Ах, тише, — испуганно шепнул Кро-
лик. — Ведь Королева услышит! Герцогиня,
видите ли, пришла довольно поздно, и Королева
сказала...

— По местам! — крикнула Королева громо-
вым голосом, и мигом подчиненные разбежа-
лись во все стороны, наталкиваясь друг на

друга и спотыкаясь. Вскоре порядок был налажен и игра началась.

Аня никогда в жизни не видела такой странной крокетной площадки: она была вся в ямках и в бороздках; шарами служили живые ежи, молотками—живые фламинго.

Солдаты же, выгнув спины, стояли на четвереньках, изображая дужки.

Аня не сразу научилась действовать своим фламинго. Ей наконец удалось взять его довольно удобно, так что тело его приходилось ей под мышку, а ноги болтались сзади. Но как только она выпрямляла ему шею и собиралась головой его стукнуть по свернутому ежу—фламинго нет-нет да и выгнется назад, глядя ей в лицо с таким недоумением, что нельзя было не расхохотаться. Когда же она опять нагибалась ему голову и собиралась начать сызнаова, то с досадой замечала, что еж развернулся и тихонько уползает. Кроме того, всякие рытвины мешали ежу катиться, солдаты же то и дело

раскрючивались и меняли места. Так что Аня вскоре пришла к заключению, что это игра необычайно трудная.

Участники играли все сразу, не дожидаясь очереди, все время ссорились и дрались из-за ежей, и вскоре Королева была в неистовой ярости, металась, топала и не переставая орала:

— Отрубить голову, отрубить...

Ане становилось страшновато: правда, она с Королевой еще не поссорилась, но ссора могла произойти каждую минуту. «Что тогда будет со мной? — подумала она. — Здесь так любят обезглавливать. Удивительно, что есть еще живые люди!»

Она посмотрела кругом, ища спасенья и рассуждая, удастся ли ей уйти незаметно, как вдруг ее поразило некое явление в воздухе. Вглядевшись, она поняла, что это не что иное, как широкая улыбка, и Аня подумала: «Масленичный Кот! Теперь у меня будет с кем потолковать».

— Как ваши дела? — спросил Кот, как только рот его окончательно наметился.

Аня выждала появления глаз и тогда кивнула. «Смысла нет говорить с ним, пока еще нет у него ушей или по крайней мере одного из них», — сказала она про себя. Еще мгновение — и обозначилась вся голова, и тогда Аня, выпустив своего фламинго, стала рассказывать о ходе игры, очень довольная, что у нее есть слушатель.

Кот решил, что он теперь достаточно на виду, и, кроме головы, ничего больше не появлялось.

— Я не нахожу, что играют они честно, — стала жаловаться Аня. — И так они все спорят, что оглохнуть можно. И в игре никаких определенных правил нет, а если они и есть, то во всяком случае никто им не следует, и вы не можете себе представить, какой происходит сумбур от того, что шары и все прочее — живые существа. Вот сейчас, например, та дуга, под которую нужно было пройти, разогнулась и вон там прогуливается. Нужно было моим ежом ударить по ежу Королевы, а тот взял да и убежал, когда мой к нему подкатил.

— Как вам нравится Королева? — тихо спросил Кот.

— Очень не нравится, — ответила Аня. — Она так ужасно... — тут Аня заметила, что Королева подошла сзади и слушает, — ...хорошо играет, что не может быть сомнения в исходе игры.

Королева улыбнулась и прошла дальше.

— С кем это ты говоришь? — спросил Король, приблизившись в свою очередь к Ане и с большим любопытством разглядывая голову Кота.

— Это один мой друг, Масленичный Кот, — объяснила Аня. — Позвольте его вам представить.

— Мне не нравится его улыбка, — сказал Король. — Впрочем, он, если хочет, может поцеловать мою руку.

— Предпочитаю этого не делать, — заметил Кот.

— Не груби! — воскликнул Король. —
И не смотри на меня так!

Говоря это, он спрятался за Аню.

— Смотреть всякий может, — возразил Кот.

Король с решительным видом обратился к Королеве, которая как раз проходила мимо.

— Мой друг, — сказал он, —
прикажи, пожалуйста, убрать этого Кота.

У Королевы был только один способ разрешать все затруднения, великие и малые.

— Отрубить ему голову! — сказала она, уже не оборачиваясь.

— Я пойду сам за палачом, — с большой готовностью воскликнул Король и быстро удалился.

Аня решила вернуться на крокетную площадку, чтобы посмотреть, как идет игра. Издали доносился голос Королевы, которая орала в яростном исступлении.

Несколько игроков уже были присуждены к смерти за несоблюдение очереди, и стояла такая сумятица, что Аня не могла разобрать, кому играть следующим. Однако она пошла отыскивать своего ежа.

Еж был занят тем, что дрался с другим ежом, и это показалось Ане отличным случаем, чтобы стукнуть одного об другого; но, к несчастью, ее молоток, то есть фламинго, перешел на другой конец сада, и Аня видела, как он, беспомощно хлопая крыльями, тщетно пробовал взлететь на деревцо.

Когда же она поймала его и принесла обратно, драка была кончена и оба ежа исчезли. «Впрочем, это неважно, — подумала Аня. — Все равно ушли все дуги с этой стороны площадки».

И, ловко подоткнув птицу под мышку, так чтобы она не могла больше удрать, Аня пошла поговорить со своим другом.

Вернувшись к тому месту, где появился Масленичный Кот, она с удивлением увидела, что вокруг него собралась большая толпа. Шел

оживленный спор между палачом, Королем и Королевой, которые говорили все сразу. Остальные же были совершенно безмолвны и казались в некотором смущении.

Как только Аня подошла, все трое обратились к ней с просьбой разрешить вопрос и повторили свои доводы, но так как они говорили все сразу, Аня не скоро могла понять, в чем дело.

Довод палача был тот, что нельзя отрубить голову, если нет тела, с которого можно ее отрубить; что ему никогда в жизни не приходилось это делать и что он в свои годы не намерен за это приняться.

Довод Короля был тот, что все, что имеет голову, может быть обезглавлено, и что «ты, мол, порешь чушь».

Довод Королевы был тот, что, если «сию, сию, сию же минуту что-нибудь не будет сделано», она прикажет казнить всех окружающих (это-то замечание и было причиной того, что у всех был такой унылый и тревожный вид).

Аня могла ответить только одно:

— Кот принадлежит Герцогине. Вы бы лучше ее спросили.

— Она в тюрьме, — сказала Королева палачу. — Приведи ее сюда.

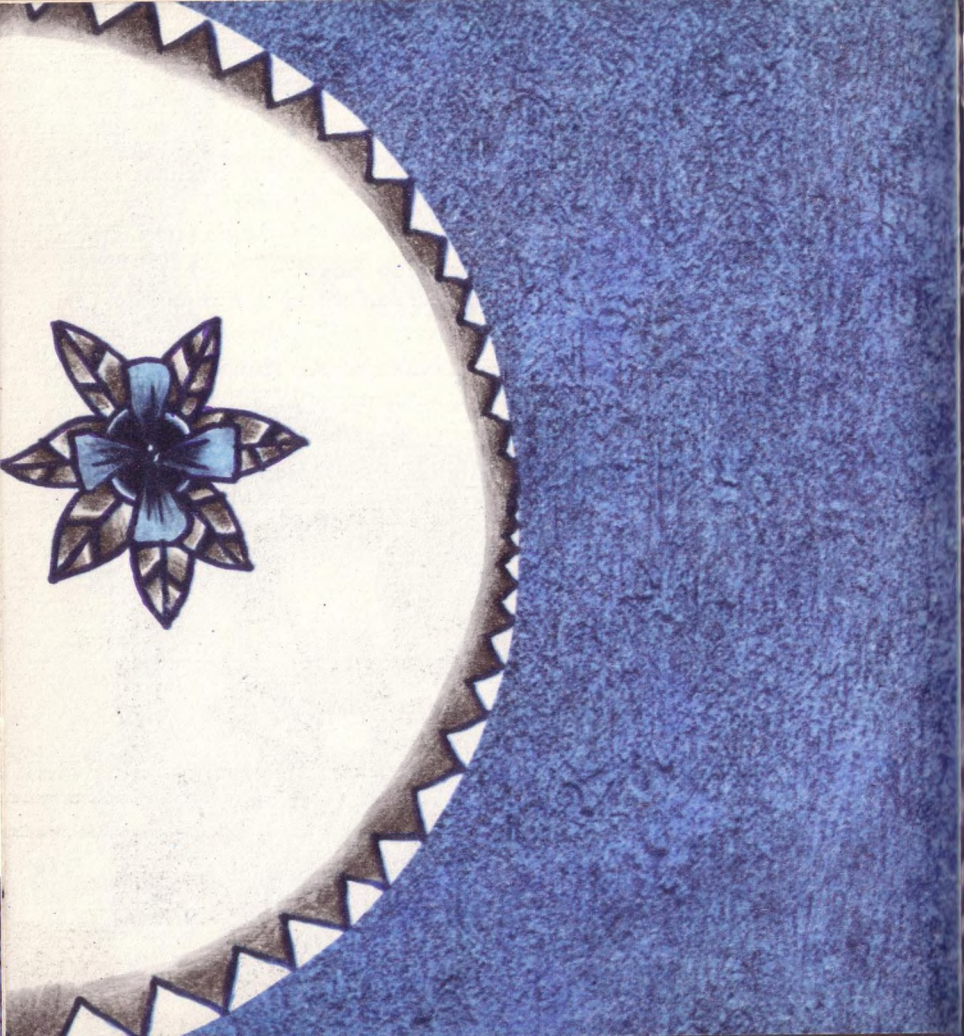
И палач пустился стрелой.

Тут голова Кота стала таять, и когда наконец привели Герцогиню, ничего уж не было видно. Король и палач еще долго носились взад и вперед, отыскивая приговоренного, остальные же пошли продолжать прерванную игру.

Повести
Челюнахи

ы не можешь себе представить, как я рада видеть тебя, моя милая деточка! — сказала Герцогиня, ласково взяв Аню под руку.

Ане было приятно найти ее в таком благодушном настроении. Она подумала, что это, вероятно, перец делал ее такой свирепой тогда, в кухне.

Глава 9

«Когда я буду герцогиней, — сказала она про себя (не очень, впрочем, на это надеясь), — у меня в кухне перца вовсе не будет. Суп без перца и так хорош. Быть может, именно благодаря перцу люди становятся так вспыльчивы, — продолжала она, гордясь тем, что нашла новое правило. — А уксус заставляет людей острить, а лекарства оставляют в душе горечь, а сладости придают мягкость нраву. Ах, если бы люди знали эту последнюю истину! Они стали бы щедрее в этом отношении...»

Аня так размечталась, что совершенно забыла присутствие Герцогини и вздрогнула, когда около самого уха услышала ее голос.

— Ты о чем-то думаешь, моя милочка, и потому молчишь. Я сейчас не припомню, как

мораль этого, но, вероятно, вспомню через минуту.

— Может быть, и нет морали, — заметила было Аня.

— Стой, стой, деточка, — сказала Герцогиня, — у всякой вещи есть своя мораль — только нужно ее найти.

И она, ластясь к Ане, плотнее прижалась к ее боку.

Такая близость не очень нравилась Ане: во-первых, Герцогиня была чрезвычайно некрасива, а во-вторых, подбородок ее как раз приходился Ане к плечу, и это был острый, неудобный подбородок. Однако Ане не хотелось быть невежливой, и поэтому она решилась терпеть.

— Игра идет теперь немного глаже, — сказала она, чтобы поддержать разговор.

— Сие верно, — ответила Герцогиня, — и вот мораль этого: любовь, любовь, одна ты вертишь миром!

— Кто-то говорил, — ехидно шепнула Аня, — что мир вертится тогда, когда каждый держится своего дела.

— Ну что ж, значенье более или менее то же, — сказала Герцогиня, вдавливая свой остренький подбородок Ане в плечо. — И мораль этого: слова есть — значенье темно иль ничтожно.

«И любит же она из всего извлекать мораль!» — подумала Аня.

— Я чувствую, ты недоумеваешь, отчего это я не беру тебя за талию, — проговорила Герцогиня после молчанья. — Дело в том, что я не уверена в характере твоего фламинго. Произвести ли этот опыт?

— Он может укусить, — осторожно ответила Аня, которой вовсе не хотелось, чтобы опыт был произведен.

— Справедливо, — сказала Герцогиня, — фламинго и горчица — оба кусаются. Мораль: у всякой пташки свои замашки.

— Но ведь горчица — не птица, — заметила Аня.

— И то, — сказала Герцогиня. — Как ясно ты умеешь излагать мысли!

— Горчица — ископаемое, кажется, — продолжала Аня.

— Ну конечно, — подхватила Герцогиня, которая, по-видимому, готова была согласиться с Аней, что бы та ни сказала. — Тут недалеко производятся горчичные раскопки. И мораль этого: не копайся!

— Ах, знаю! — воскликнула Аня, не слушая. — Горчица — овощ. Не похожа на овощ, а все-таки овощ.

— Я совершенно такого же мнения, — сказала Герцогиня. — Мораль: будь всегда сама собой. Или проще: не будь такой, какой ты кажешься таким, которым кажется, что ты такая, какой ты кажешься, когда кажешься не такой, какой была бы, если б была не такой.

— Я бы лучше поняла, если б могла это записать, — вежливо проговорила Аня. — А так я не совсем услужу за смыслом ваших слов.

— Это ничего по сравнению с тем, что я могу сказать, — самодовольно ответила Герцогиня.

— Ах, не трудитесь сказать длиннее! — воскликнула Аня.

— Тут не может быть речи о труде, — сказала Герцогиня. — Дарю тебе все, что я до сих пор сказала.

«Однако, подарок! — подумала Аня. — Хорошо, что на праздниках не дарят такой прелести». Но это сказать громко она не решилась.

— Мы опять задумались? — сказала Герцогиня, снова ткнув острым подбородком.

— Я вправе думать, — резко ответила Аня, которая начинала чувствовать раздражение.

— Столько же вправе, сколько свиньи вправе лететь, и мор...

Тут, к великому удивлению Ани, голос Герцогини замолк, оборвавшись на любимом слове, и рука, державшая ее под руку, стала дрожать. Аня подняла голову: перед ними стояла Королева и, скрестив руки, насупилась, как грозная туча.

— Прекрасная сегодня погодка, ваше величество, — заговорила Герцогиня тихим, слабым голосом.

— Предупреждаю! — грянула Королева, топнув ногой. — Или ты, или твоя голова сию минуту должны исчезнуть. Выбирай!

Герцогиня выбрала первое и мгновенно удалилась.

— Давай продолжать игру, — сказала Королева, обратившись к Ане. И Аня была так перепугана, что безмолвно последовала за ней по направлению к крокетной площадке. Остальные гости, воспользовавшись отсутствием Королевы, отдыхали в тени деревьев. Однако как только она появилась, они поспешили вернуться к игре, причем Королева вскользь заметила, что будь дальнейшая задержка, она их всех казнит.

В продолжение всей игры Королева не переставая ссорилась то с одним, то с другим и орала: «Отрубить ему голову». Приговоренного уводили солдаты, которые при этом должны были, конечно, переставать быть дугами, так что не прошло и полчаса, как на площадке не оставалось более ни одной дужки и уж все игроки, кроме королевской четы и Ани, были приговорены к смерти. Тогда, тяжело переводя дух, Королева обратилась к Ане:

— Ты еще не была у Чепупахи?

— Нет, — ответила Аня. — Я даже не знаю, что это.

— Это то существо, из которого варится поддельный черепаховый суп, — объяснила Королева.

— В первый раз слышу, — воскликнула Аня.

— Так пойдем, — сказала Королева. — Чепуха расскажет тебе свою повесть.

Они вместе удалились, и Аня успела услышать, как Король говорил тихим голосом, обращаясь ко всем окружающим:

— Вы все прощены.

«Вот это хорошо», — подумала Аня. До этого ее очень угнетало огромное число предстоящих казней.

Вскоре они набрали на Грифа, который спал на солнцепеке.

— Встать, лежебока! — сказала Королева. — Изволь проводить барышню к Чепухе, и пусть та расскажет ей свою повесть. Я должна вернуться, чтобы присутствовать при нескольких казнях, которые я приказала привести в исполнение немедленно.

И она ушла, оставив Аню одну с Грифом.

С виду животное это казалось пренеприятным, но Аня рассудила, что все равно, с кем быть — с ним или со свирепой Королевой.

Гриф сел и протер глаза. Затем смотрел некоторое время вслед Королеве, пока та не скрылась, и тихо засмеялся.

— Умора! — сказал Гриф не то про себя, не то обращаясь к Ане.

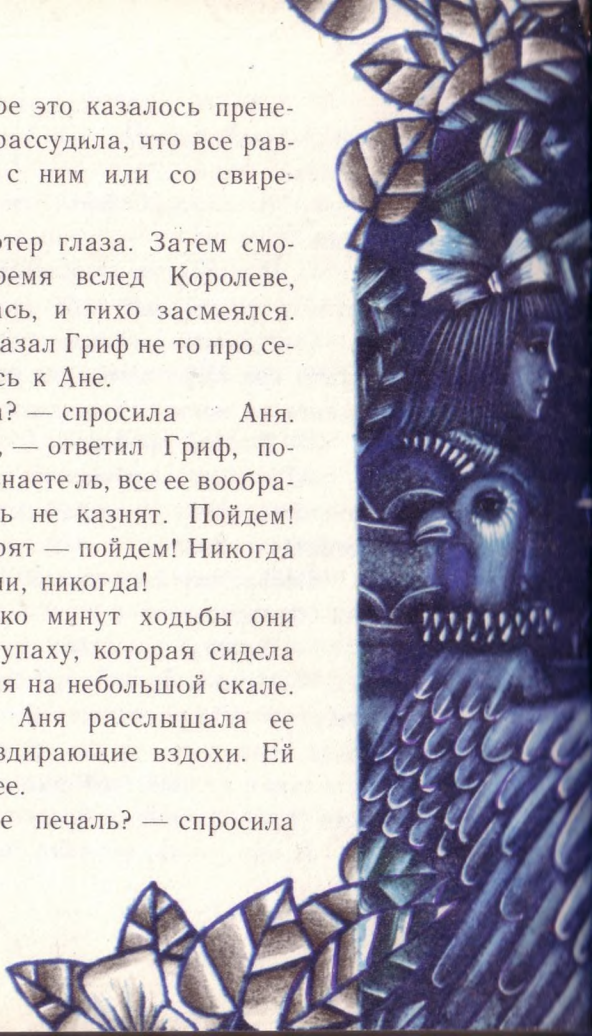
— Что — умора? — спросила Аня.

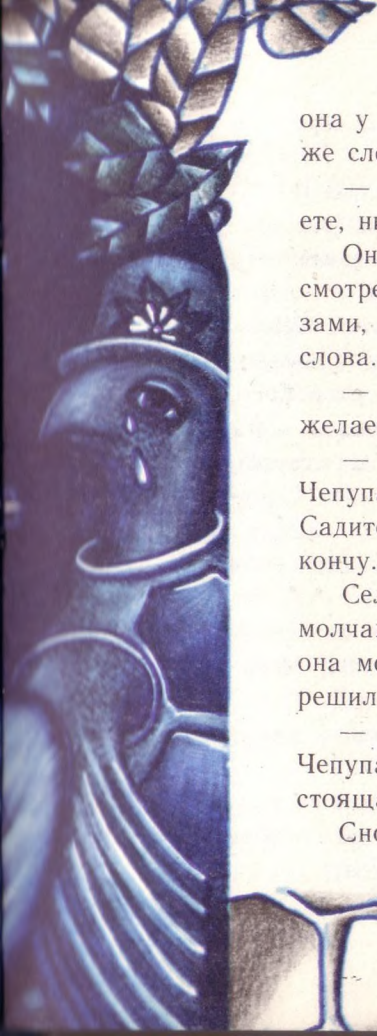
— Да вот она, — ответил Гриф, потягиваясь. — Это, знаете ль, все ее воображение: никого ведь не казнят. Пойдем!

— Все тут говорят — пойдем! Никогда меня так не туркали, никогда!

Спустя несколько минут ходьбы они увидели вдали Чепупаху, которая сидела грустная и одинокая на небольшой скале. А приблизившись, Аня расслышала ее глубокие, душу раздирающие вздохи. Ей стало очень жаль ее.

— Какая у нее печаль? — спросила

она у Грифа, и Гриф отвечал почти в тех же словах; что и раньше:

— Это все ее воображение. У нее, знаете, никакого и горя нет!

Они подошли к Чепупахе, которая посмотрела на них большими телячьими глазами, полными слез, но не проронила ни слова.

— Вот эта барышня, — сказал Гриф, — желает услышать твою повесть.

— Я все ей расскажу, — ответила Чепупаха глубоким, гулким голосом. — Садитесь вы оба сюда и молчите, пока я не кончу.

Сели они, и наступило довольно долгое молчанье. Аня подумала: «Я не вижу, как она может кончить, если не начнет». Но решила терпеливо ждать.

— Некогда, — заговорила наконец Чепупаха, глубоко вздохнув, — я была настоящая черепаха.

Снова долгое молчанье, прерываемое

изредка возгласами Грифа — хкрр, хкрр — и тяжкими всхлипами Чепупахи.

Аня была близка к тому, чтобы встать и сказать: «Спасибо, сударыня, за ваш занимательный рассказ», но все же ей казалось, что должно же быть что-нибудь дальше, и потому она оставалась сидеть смирно и молча ждала.

— Когда мы были маленькие, — соизволила продолжать Чепупаха, уже спокойнее, хотя все же всхлипывая по временам, — мы ходили в школу на дне моря. У нас был старый, строгий учитель, мы его звали Молодым Спрутом.

— Почему же вы звали его молодым, если он был стар? — спросила Аня.

— Мы его звали так потому, что он всегда был с прутиком, — сердито ответила Чепупаха. — Какая вы, право, тупая!

— Да будет вам, стыдно задавать такие глупые вопросы! — добавил Гриф.

И затем они оба молча уставились на бедняжку, которая готова была провалиться сквозь землю. Наконец Гриф сказал Чепупахе:

— Валяй, старая! А то никогда не окончишь.

И Чепупаха опять заговорила:

— Мы ходили в школу на дне моря — верьте не верьте...

— Я не говорила, что не верю, — перебила Аня.

— Говорили, — сказала Чепупаха.

— Прикуси язык, — добавил Гриф, не дав Ане возможности возразить. Чепупаха продолжала:

— Мы получали самое лучшее образование — мы ходили в школу ежедневно.

— Я это тоже делала, — сказала Аня. — Нечего вам гордиться этим.

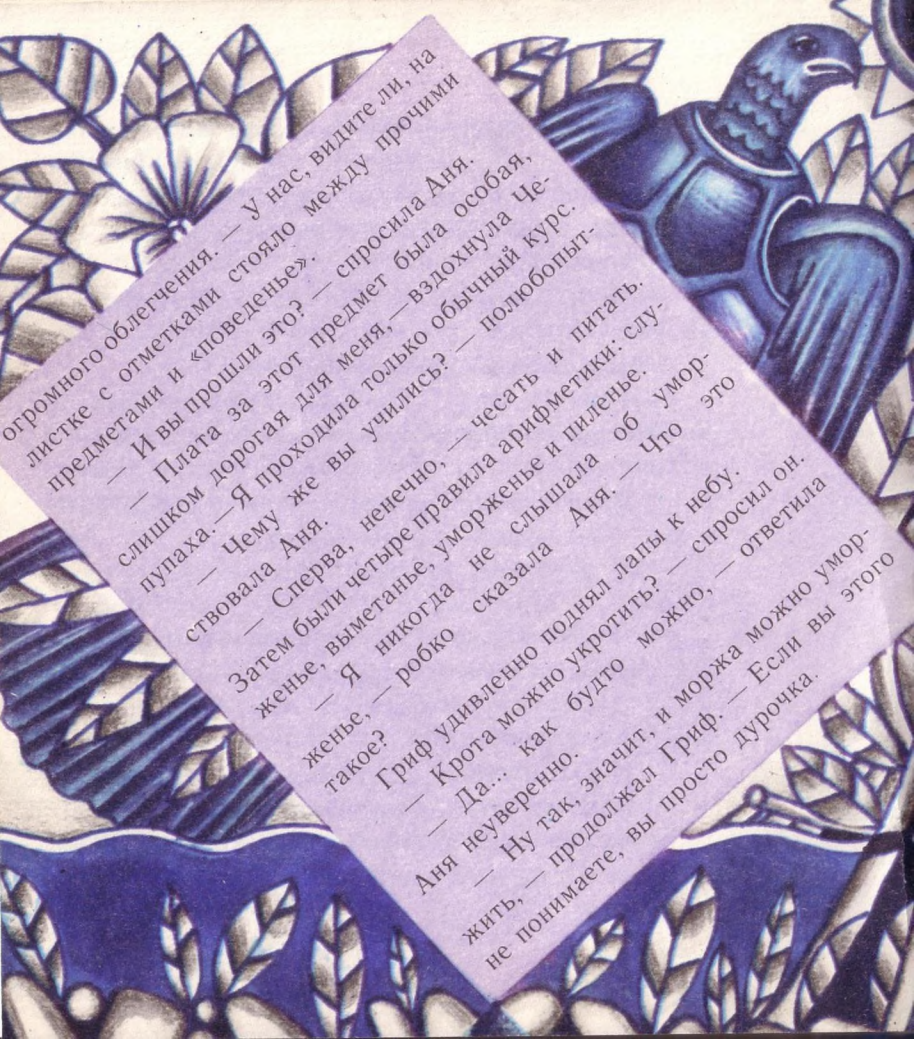
— А какие были у вас предметы? — спросила Чепупаха с легкой тревогой.

— Да всякие, — ответила Аня, — география, французский...

— И поведение? — осведомилась Чепупаха.

— Конечно нет! — воскликнула Аня.

— Ну так ваша школа была не такая хорошая, как наша, — сказала Чепупаха с видом

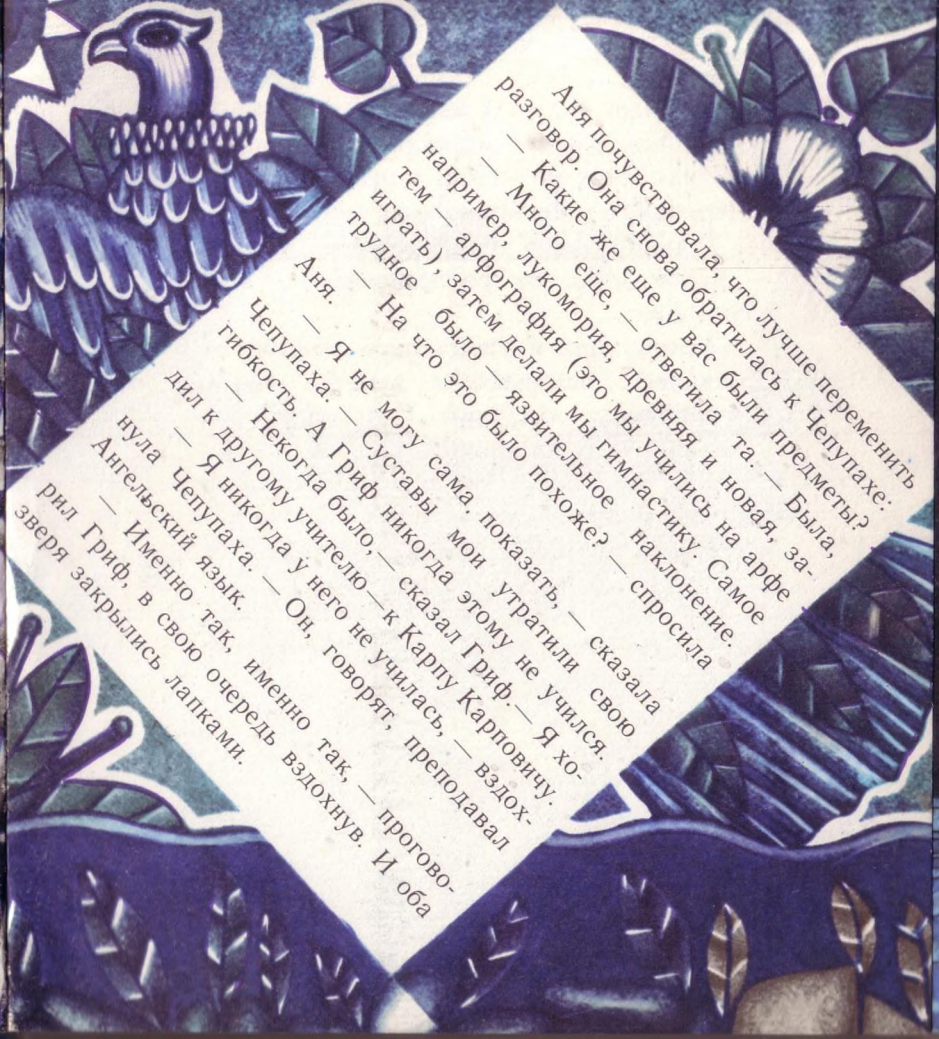

огромного облегчения. — У нас, видите ли, на листке с отметками стояло между прочими предметами и «поведенье».

— И вы прошли это? — спросила Аня. — Плата за этот предмет была особая, слишком дорогая для меня, — вздохнула Це-пуха. — Я проходила только обычный курс.

— Чему же вы учились? — полюбопытствовала Аня. — Сперва, конечно, — чесать и питать. Затем были четыре правила арифметики: слу-женье, выметанье, уморженье и пиленье.

— Я никогда не слышала об умор-женье, — робко сказала Аня. — Что это такое? Гриф удивленно поднял лапы к небу. — Да... как будто можно поднять лапы к небу. Аня неуверенно. — Ну так, значит, и моржа можно умор-жить, — продолжал Гриф. — Если вы этого не понимаете, вы просто дурочка.

Аня почувствовала, что лучше переменить разговор. Она снова обратилась к Чепупах:

— Какие же еще у вас были предметы? — Много еще, — ответила та. — Была, например, лукомория, древняя и новая, затем — арфография (это мы учились на арфе играть), затем делали мы гимнастику. Самое трудное — На что это было похоже? — спросила Аня.

— Я не могу сама показать, — сказала Чепупах. — Суставы мои утратили свою гибкость. А Гриф никогда — к Карпу Карповичу. — Я никогда у него не училась, — вздохнул к другому учителю. — Он, говорят, преподавал Чепупах. — Я никогда так, — проговорила Чепупах. — Именно так, — проговорила Ангельский язык.

— Именно так, — проговорила Ангельский язык. — Именно так, — проговорила Гриф, в свою очередь вздохнув. И оба зверя закрылись лапками.

— А сколько в день у вас было уроков? — спросила Аня, спеша переменить разговор.

— У нас были не уроки, а укоры, — ответила Чепупаха. — Десять укоров первый день, девять — в следующий и так далее.

— Какое странное распределение! — воскликнула Аня.

— Поэтому они и назывались укорами — укорачивались, понимаете? — заметил Гриф.

Аня подумала над этим. Потом сказала:

— Значит, одиннадцатый день был свободный?

— Разумеется, — ответила Чепупаха.

— А как же вы делали потом, в двенадцатый день? — с любопытством спросила Аня.

— Ну, довольно об этом! — решительным тоном перебил Гриф. — Расскажи ей теперь о своих играх.

Синявая кошечка

Глава 10

еупаха глубоко вздохнула и плавником стерла слезу. Она посмотрела на Аню и попыталась говорить, но в продолжение двух-трех минут ее душили рыдания.

— Совсем будто костью подавилась! — заметил Гриф, принимаясь ее трясти и хлопать по спине. Наконец к Чепупахе вернулся голос. И, обливаясь слезами, она стала рассказывать:

— Может быть, вы никогда не жили на дне моря («Не жила», — сказала Аня), и, может быть, вас никогда даже не представляли Омару (Аня начала было: «Я как-то попроб...» — но осеклась и сказала: «Нет, никогда!»). Поэтому вы просто не можете себе вообразить, что это за чудесная штука — Омаровая кадрили.

— Да, никак не могу, — ответила Аня. — Скажите, что это за танец?

— Очень просто, — заметил Гриф. — Вы, значит, сперва становитесь в ряд на морском берегу...

— В два ряда! — крикнула Чепупаха. — Моржи, черепахи и так далее. Затем, очистив

место от медуз («Это берет некоторое время», — вставил Гриф), вы делаете два шага вперед...

— Под руку с омаром, — крикнул Гриф.

— Конечно, — сказала Чепупаха.

— Два шага вперед, кланяетесь, меняетесь омарами и назад в том же порядке, — продолжал Гриф.

— Затем, знаете, — сказала Чепупаха, — вы закидываете...

— Омаров, — крикнул Гриф, высоко подпрыгнув.

— Как можно дальше в море...

— Плаваете за ними, — взревел Гриф.

— Вертитесь кувыркком в море, — взвизгнула Чепупаха, неистово скача.

— Меняетесь омарами опять, — грянул Гриф.

— И назад к берегу — и это первая фигура, — сказала Чепупаха упавшим голосом, и оба зверя, все время прыгавшие, как сумасшедшие, сели опять очень печально и тихо и взглянули на Аню.

— Это, должно быть, весьма красивый танец, — робко проговорила Аня.

— Хотели ли бы вы посмотреть? — спросила Чепупаха.

— С большим удовольствием, — сказала Аня.

— Иди, давай попробуем первую фигуру, — обратилась Чепупаха к Грифу. — Мы ведь можем обойтись без омаров. Кто будет петь?

— Ты пой, — сказал Гриф. — Я не помню слов.

И вот они начали торжественно плясать вокруг Ани, изредка наступая ей на ноги, когда подходили слишком близко, и отбивая такт огромными лапами, между тем как Чепупаха пела очень медленно и уныло:

«Ты не можешь скорей подвигаться? —

Обратилась к Улитке Треска. —

Каракатица катится сзади,

Наступая на хвост мне слегка.

Увлекли черепахи омаров

И пошли выкрутасы писать.

Мы у моря тебя ожидаем,
Приходи же и ты поплясать.
Ты не хочешь, скажи, ты не хочешь,
Ты не хочешь, скажи, поплясать?
Ты ведь хочешь, скажи, ты ведь хочешь,
Ты ведь хочешь, скажи, поплясать?»

«Ты не знаешь, как будет приятно,
Ах, приятно! Когда в вышину
Нас подкинут с омарами вместе
И — бултых! — в голубую волну!
Далеко, отвечает Улитка,
Далеко ведь нас будут бросать.
Польщена, говорит, предложеньем,
Но прости, мол, не тянет плясать.
Не хочу, не могу, не хочу я,
Не могу, не хочу я плясать.
Не могу, не хочу, не могу я,
Не хочу, не могу я плясать».

«Но чешуйчатый друг возражает:
Отчего ж не предаться волне?
Этот берег ты любишь, я знаю,
Но другой есть — на той стороне.
Чем от берега этого дальше,
Тем мы ближе к тому, так сказать,
Не бледней, дорогая Улитка,
И скорей приходи поплясать.

Ты не хочешь, скажи, ты не хочешь,
Ты не хочешь, скажи, поплясать?
Ты ведь хочешь, скажи, ты ведь хочешь,
Ты ведь хочешь, скажи, поплясать?»

— Спасибо, мне этот танец очень понравился, — сказала Аня, довольная, что представление кончено. — И как забавна эта песнь о треске.

— Кстати, насчет трески, — сказала Чепупаха. — Вы, конечно, знаете, что это такое.

— Да, — ответила Аня, — я ее часто видела во время обеда.

— В таком случае, если вы так часто с ней обедали, то вы знаете, как она выглядит? — продолжала Чепупаха.

— Кажется, знаю, — проговорила Аня задумчиво. — Она держит хвост во рту и вся облеплена крошками.

— Нет, крошки тут ни при чем, — возразила Чепупаха. — Крошки смыла бы вода. Но действительно, хвост у нее во рту, и вот почему, — тут Чепупаха зевнула и прикрыла глаза. — Объясни ей причину и все такое, — обратилась она к Грифу.

— Причина следующая, — сказал Гриф. — Треска нет-нет да и пойдет танцевать с омарами. Ну и закинули ее в море. А падать было далеко. А хвост застрял у нее во рту. Ну и не могла его вынуть. Вот и все.

Аня поблагодарила:

— Это очень интересно. Я никогда не знала так много о треске.

— Я могу вам еще кое-что рассказать, если хотите, — предложил Гриф. — Знаете ли вы, например, откуда происходит ее название?

— Никогда об этом не думала, — сказала Аня. — Откуда?

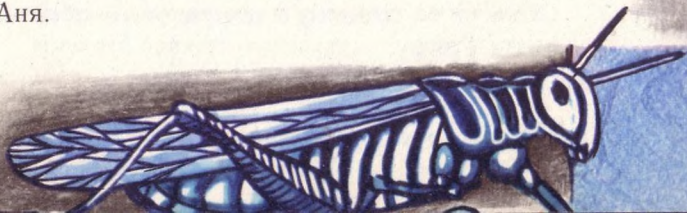
— Она трещит и трескается, — глубоко-мысленно ответил Гриф.

Аня была окончательно озадачена.

— Трескается, — повторила она удивленно. — Почему?

— Потому что она слишком много трещит, — объяснил Гриф.

— Я думала, что рыбы немые, — шепнула Аня.

— Как бы не так, — воскликнул Гриф. — Вот есть, например, белуга. Та прямо ревет. Оглушительно.

— Раки тоже кричат, — добавила Чепупаха. — Особенно когда им показывают, где зимовать. При этом устраиваются призрачные гонки.

— Отчего призрачные? — спросила Аня.

— Оттого, что приз рак выигрывает, — ответила Чепупаха.

Аня собиралась еще спросить что-то, но тут вмешался Гриф.

— Расскажите-ка нам о ваших приключениях, — сказал он.

— Я могу вам рассказать о том, что случилось со мной сегодня, — начала Аня. — О вчерашнем же нечего говорить, так как вчера я была другим человеком.

— Объяснитесь! — сказала Чепупаха.

— Нет, нет! Сперва приключения, — нетерпеливо воскликнул Гриф. — Объясненья всегда занимают столько времени.

И Аня стала рассказывать о всем, что она испытала с того времени, как встретила Белого Кролика. Сперва ей было страшновато — оба зверя придвигались так близко, выпучив глаза и широко разинув рты, — но потом она набралась смелости. Слушатели ее сидели совершенно безмолвно, и только когда она дошла до того, как Гусеница заставила ее прочитать «Скажи-ка, дядя» и как вышло совсем не то, — только тогда Чепуха со свистом втянула воздух и проговорила:

— Как это странно!

— Прямо скажу — странно, — подхватил Гриф.

— Я бы хотела, чтобы она и теперь прочитала что-нибудь наизусть. Скажи ей начать!

И Чепуха взглянула на Грифа, словно она считала, что ему дана известная власть над Аней.

— Встаньте и прочитайте «Как ныне собирается», — сказал Гриф.

«Как все они любят приказывать и заставлять повторять уроки! — подумала Аня. — Не хуже, чем в школе!»

Однако она встала и стала читать наизусть, но голова ее была так полна Омаровой кадрили, что она едва знала, что говорит, и слова были весьма любопытны:

Как дыня, вздувается вещий Омар.
«Меня, — говорит он, — ты бросила в жар;
Ты кудри мои вырываешь и ешь,
Осыплю я перцем багровую плешь».
Омар! Ты порою смеешься, как еж,
Акулу акулькой с презреньем зовешь;
Когда же и вправду завидишь акул,
Ложишься ничком под
коралловый стул

— Это звучит иначе, чем то, что я учил в детстве, — сказал Гриф.

— А я вообще никогда ничего подобного не слышала, — добавила Чепуха. — Мне кажется, это необыкновенная ерунда.

Аня сидела молча. Она закрыла лицо руками и спрашивала себя, станет ли жизнь когда-нибудь снова простой и понятной.

— Я требую объяснения, — заявила Чепуха.

— Она объяснить не может, — поспешно вставил Гриф и обратился к Ане: — Продолжай!

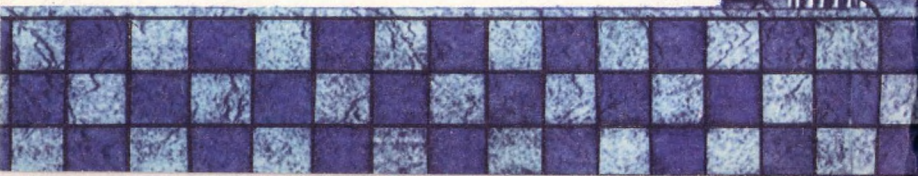
— Но как же это он прячется под стул, — настаивала Чепупаха. — Его же все равно было бы видно между ножками стула.

— Я ничего не знаю, — ответила Аня. Она вконец запуталась и жаждала переменить разговор.

— Продолжай! — повторил Гриф. — Следующая строфа начинается так: «Скажи мне, кудесник...».

Аня не посмела послушаться, хотя была уверена, что опять слова окажутся не те, и продолжала дрожащим голосом:

«Я видел, — сказал он, — как, выбрав лужок,
Сова и пантера делили пирог:
Пантера за тесто, рыча, принялась,
Сове же на долю тарелка пришлась.
Окончился пир — и сове, так и быть,
Позволили ложку в карман положить.
Пантере же дали и вилку, и нож.
Она зарычала и съела — кого ж?»

— Что толку повторять такую белиберду? — перебила Чепупаха. — Как же я могу знать, кого съела пантера, если мне не объясняют. Это головоломка какая-то!

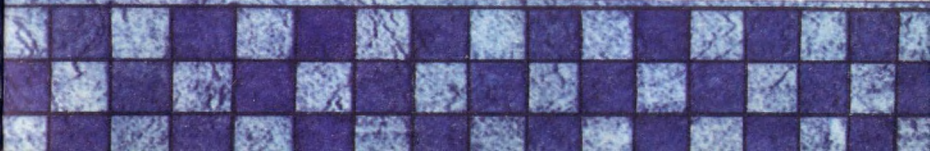
— Да, вы уж лучше перестаньте, — заметил Гриф, к великой радости Ани. — Не показывать ли вам вторую фигуру Омаровой кадрили? — продолжал он. — Или же вы хотели бы, чтобы Чепупаха вам что-нибудь спела?

— Пожалуйста, спойте, любезная Чепупаха, — взмолилась Аня так горячо, что Гриф даже обиделся.

— Гм! У всякого свой вкус! Спой-ка ей, матушка, «Черепаховый суп».

Чепупаха глубоко вздохнула и, задышавшись от слез, начала петь следующее:

Сказочный суп — ты зелен и прян.
Тобой наполнен горячий лохан!
Кто не отведаст? Кто так глуп?
Суп мой вечерний, сказочный суп,
Суп мой вечерний, сказочный суп!
Ска-азочный су-уп,
Ска-азочный су-уп,

Су-уп мой вечерний,
Ска-азочный, ска-азочный суп!
Сказочный суп — вот общий клич!
Кто предпочтет рыбу или дичь?
Если б не ты, то, право, насуп-
Ился бы мир, о, сказочный суп!
Сбился бы мир, о, сказочный суп!
Ска-азочный су-уп,
Ска-азочный су-уп,
Су-уп мой вечерний,
Ска-азочный, ска-азочный СУП!

— Снова припев! — грянул Гриф, и Чепупа-
ха принялась опять петь, как вдруг издали до-
несся крик:

— Суд начинается!

— Скорей! — взвизгнул Гриф и, схватив
Аню за руку, понесся по направлению крика, не
дожидаясь конца песни.

— Кого судят? — впопыхах спрашивала
Аня, но Гриф только повторял: «Скорей!» —
и все набавлял ходу. И все тише и тише звучали
где-то позади обрывки унылого припева:

Су-уп мой вечерний,
Ска-азочный, ска-азочный суп!

Кто украл
пухляки?

король Червей и его Королева уже восседали на тронах, когда они добежали. Кругом теснилась громадная толпа — всякого рода звери и птицы, а также и вся колода карт: впереди выделялся Валет, в цепях, оберегаемый двумя солдатами, а рядом с Королем стоял Белый Кролик, держа в одной руке тонкую трубу, а в другой пергаментный свиток. Посредине залы суда

Глава 11 был стол, а на нем большая тарелка с пирожками: они казались такими вкусными, что, глядя на них, Аня ощущала острый голод. «Поскорее кончилось бы, — подумала она, — поскорее бы начали раздавать угощенье». Но конец, по видимому, был неблизок, и Аня от нечего делать стала глядеть по сторонам.

Ей никогда раньше не приходилось бывать на суде, но она кое-что знала о нем по книжкам, и теперь ей было приятно, что она может называть различные должности присутствующих.

«Это судья, — сказала она про себя, — он в мантии и парике».

Судьей, кстати сказать, был Король, и так как он надел корону свою на парик (посмотрите

на картинку, если хотите знать, как он ухитрился это сделать), то, видимо, ему было чрезвычайно неудобно, а уж как ему это шло — посудите сами.

Рядом с Аней на скамеечке сидела кучка зверьков и птичек.

«Это скамейка присяжников», — решила она. Слово это она повторила про себя два, три раза с большой гордостью. Еще бы! Немногие девочки ее лет знают столько о суде, сколько она знала. Впрочем, лучше было бы сказать: «скамья присяжных».

Все двенадцать присяжников деловито писали что-то на грифельных досках.

— Что они делают? — шепотом спросила Аня у Грифа. — Ведь суд еще не начался, записывать нечего.

— Они записывают свои имена, — шепнул в ответ Гриф, — боятся, что забудут их до конца заседания.

— Вот глупые! — громко воскликнула Аня и хотела в возмущении добавить что-то, но тут Белый Кролик провозгласил:

— Соблюдайте молчанье! — И Король напялил очки и тревожно поглядел кругом, чтобы увидеть, кто говорит.

Аня, стоя за присяжниками, заметила, что все они пишут на своих досках: «Вот глупые!» Крайний не знал, как пишется «глупые», и обратился к соседу, испуганно хлопая глазами.

«В хорошеньком виде будут у них доски по окончании дела!» — подумала Аня.

У одного из присяжников скрипел карандаш. Переносить это Аня, конечно, не могла, и, улучив минуту, она протянула руку через его плечо и выдернула у него карандаш. Движение это было настолько быстро, что бедный маленький присяжник (не кто иной, как Яша-Ящерица) никак не мог понять, куда карандаш делся. Он тщетно искал его — и наконец был принужден писать пальцем.

А это было ни к чему, так как никакого следа на доске не оставалось.

— Глашатай, прочти обвиненье! — приказал Король.

Тогда Белый Кролик протрубил трижды и,

развернув свой пергаментный список, прочел следующее:

Дама Червей для сердечных гостей
В летний день напекла пирожков.
Но пришел Валет, и теперь их нет;
Он — хватъ — и был таков!

— Обсудите приговор, — сказал Король, обращаясь к присяжникам.

— Не сейчас, не сейчас! — поспешно перебил Кролик. — Еще есть многое, что нужно до этого сделать.

— Вызови первого свидетеля, — сказал Король. И Белый Кролик трижды протрубил и провозгласил:

— Первый свидетель!

Первым свидетелем оказался Шляпник. Он явился с чашкой чая в одной руке, с куском хлеба в другой и робко заговорил:

— Прошу прощенья у вашего величества за то, что я принес это сюда, но дело в том, что я еще не кончил пить чай, когда меня позвали.

— Пора было кончить, — сказал Король. — Когда ты начал?

Тот посмотрел на Мартовского Зайца, который под руку с Соней тоже вошел в зал.

— Четырнадцатого Мартобря, кажется, — ответил он.

— Четырнадцатого, — подтвердил Мартовский Заяц.

— Шестнадцатого, — пробормотал Соня.

— Отметьте, — обратился Король к присяжникам, и те с радостью записали все три ответа один под другим, потом сложили их и вышло: 44 копейки.

— Сними свою шляпу! — сказал Король Шляпнику.

— Это не моя, — ответил Шляпник.

— Украл! — воскликнул Король, и присяжники мгновенно отметили это.

— Я шляпы держу для продажи, — добавил Шляпник в виде объяснения. — Своих у меня вовсе нет. Я — шляпник.

Тут Королева надела очки и стала в упор смотреть на свидетеля, который побледнел и заерзал.

— Дай свои показания, — сказал Король, — и не ерзай, а то я прикажу казнить тебя тут же.

Это не очень подбодрило Шляпника. Он продолжал переступать с ноги на ногу, тревожно поглядывая на Королеву. В своем смущении он откусил большой кусок чашки, вместо хлеба.

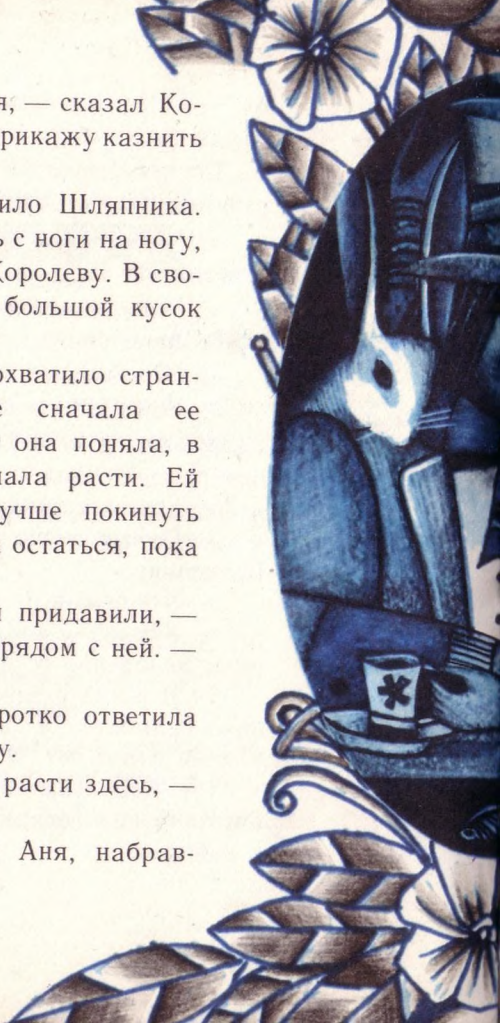
В ту же минуту Аню охватило странное ощущение, которое сначала ее очень озадачило. И вдруг она поняла, в чем дело: она снова начала расти. Ей пришло в голову, что лучше покинуть залу, но потом она решила остаться, пока хватит места.

— Ух, вы меня совсем придавили, — пробурчал Соня, сидящий рядом с ней. — Я еле могу дышать.

— Не моя вина, — кротко ответила Аня. — Я, видите ли, расту.

— Вы не имеете права расти здесь, — сказал Соня.

— Ерунда! — перебила Аня, набрав-

шись смелости. — Вы небось тоже растете.

— Да, но разумным образом, — возразил Соня, — не раздуваюсь, как вы.

И он сердито встал и перешел на другой конец залы.

Все это время Королева не переставала глазеть на Шляпника, и вдруг она сказала, обращаясь к одному из стражников:

— Принеси-ка мне список певцов, выступавших на последнем концерте.

Шляпник так задрожал, что скинул оба башмака.

— Дай свои показанья, — грозно повторил Король, — иначе будешь казнен, несмотря на твое волнение.

— Я бедный человек, ваше величество, — залепетал Шляпник. — Только что я начал пить чай, а тут хлеб, так сказать, тоньше делается, да и в голове стало сыро.

— Можно обойтись без сыра, — перебил Король.

— А тут стало еще сырее, так сказать, — продолжал Шляпник, заикаясь.

— Ну и скажи так! — крикнул Король. — За дурака, что ли, ты меня принимаешь!

— Я бедный человек, — повторил Шляпник. — И в голове еще не то случалось, но тут Мартовский Заяц сказал, что...

— Я этого не говорил, — поспешно перебил Мартовский Заяц.

— Говорил! — настаивал Шляпник.

— Я отрицаю это! — воскликнул Мартовский Заяц.

— Он отрицает, — проговорил Король, — выпусти это место.

— Во всяком случае Соня сказал, что... — И тут Шляпник с тревогой посмотрел на товарища, не станет ли и он отрицать. Но Соня не отрицал ничего, ибо спал крепким сном. — После этого, — продолжал Шляпник, — я нарезал себе еще хлеба.

— Но что же Соня сказал? — спросил один из присяжников.

— То-то и есть, что не могу вспомнить, — ответил Шляпник.

— Ты должен вспомнить, — заметил Король, — иначе будешь обезглавлен.

Несчастный Шляпник уронил свою чашку и хлеб и опустился на одно колено.

— Я бедный человек, ваше величество, — начал он.

— У тебя язык беден, — сказал Король.

Тут одна из морских свинок восторженно зашумела и тотчас была подавлена стражниками. (Делалось это так: у стражников были большие холщовые мешки, отверстия которых стягивались веревкой. В один из них они и спустили вниз головой морскую свинку, а затем на нее сели.)

«Я рада, что видела, как это делается, — подумала Аня. — Я так часто читала в газете после описания суда: были некоторые попытки выразить ободрение, но они были сразу же подавлены. До сих пор я не понимала, что это значит».

— Если тебе больше нечего сказать, — продолжал Король, — можешь встать на ноги.

— Я и так стою, только одна из них согнута, — робко заметил Шляпник.

— В таком случае встань на голову, — отвечал Король.

Тут заликовала вторая морская свинка и была подавлена.

— Ну вот, с морскими свинками покончено, теперь дело пойдет глаже.

— Я предпочитаю допить свой чай, — проговорил Шляпник, неуверенно взглянув на Королеву, которая углубилась в список певцов.

— Можешь идти, — сказал Король.

Шляпник торопливо покинул залу, оставив башмаки.

— И обезглавьте его при выходе! — добавила Королева, обращаясь к одному из стражников; но Шляпник уже был далеко.

— Позвать следующего свидетеля, — сказал Король.

Выступила Кухарка Герцогини. Она в руке держала перечницу, так что Аня сразу ее узнала. Впрочем, можно было угадать ее присутствие и раньше: публика зачихала, как только открылась дверь.

— Дай свое показанье, — сказал Король.

— Не дам! — отрезала Кухарка.

Король в нерешительности посмотрел на Кролика; тот тихо проговорил:

— Ваше величество должно непременно ее допросить.

— Надо так надо, — уныло сказал Король, и, скрестив руки, он угрюмо уставился на Кухарку, так насупившись, что глаза его почти исчезли. Наконец он спросил глубоким голосом: — Из чего делают пирожки?

— Из перца главным образом, — ответила Кухарка.

— Из сиропа, — раздался чей-то сонный голос.

— За шиворот его! — заорала Королева. — Обезглавить его! Вышвырнуть его отсюда! Подавить! Защищать! Отрезать ему уши!

В продолжение нескольких минут зал был в полном смятении: выпроваживали Соню. Когда же его вывели и все затихли снова, оказалось, что Кухарка исчезла.

— Это ничего, — сказал Король с видом

огромного облегчения. — Позвать следующего свидетеля.

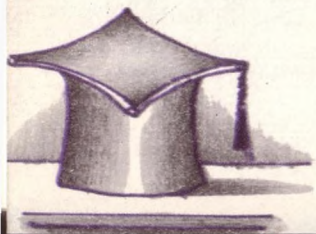
И он добавил шепотом, обращаясь к Королеве:

— Знаешь, милая, ты бы теперь занялась этим. У меня просто лоб заболел.

Аня с любопытством следила за Кроликом. «Кто же следующий свидетель? — думала она. — До сих пор допрос ни к чему не привел».

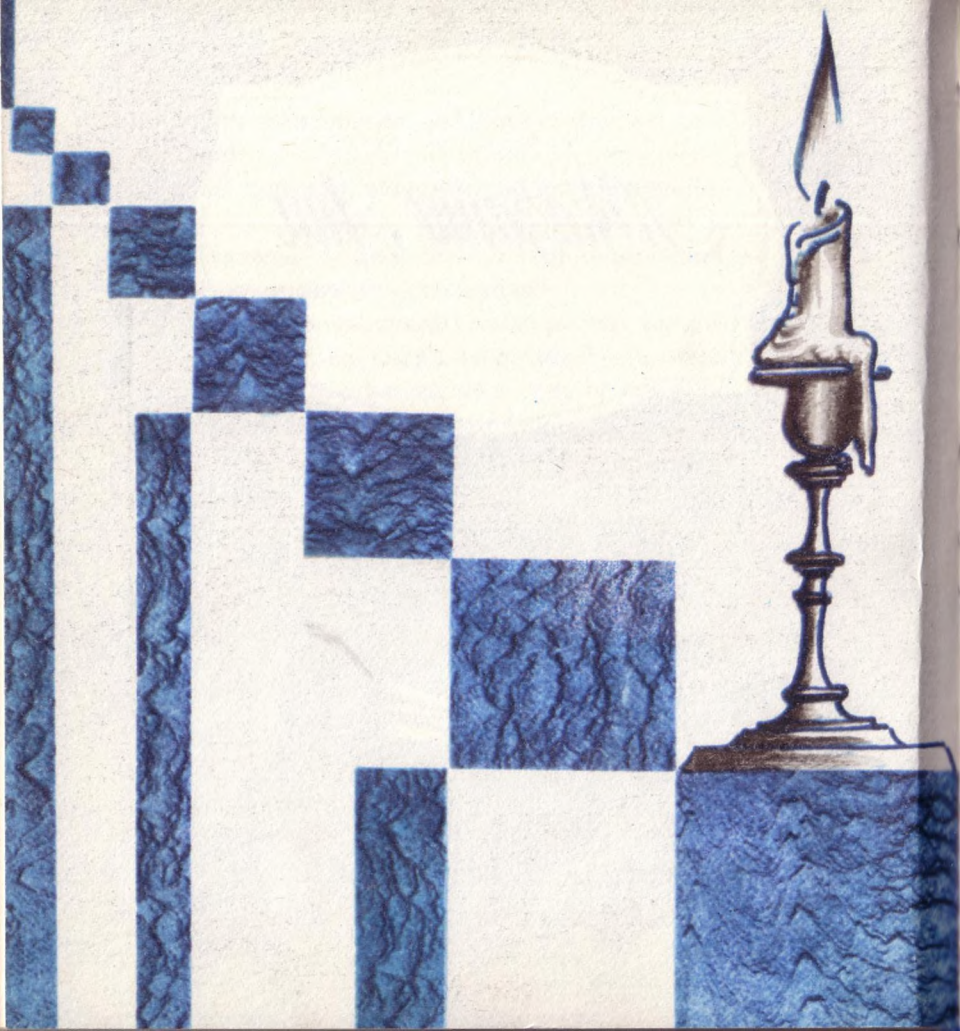
Каково же было ее удивление, когда Кролик провозгласил высоким, резким голосом:

— Аня!

Показание Ани

Глава 12

здесь! — крикнула Аня, и, совершенно забыв в своем волнении о том, какая она стала большая за эти несколько минут, она вскочила так поспешно, что смахнула юбкой скамейку с присяжниками, которые покатались кувырком вниз, прямо в толпу, и там, на полу, стали извиваться, что напомнило Ане стеклянный сосуд с золотыми рыбками, опрокинутый ею как-то на прошлой неделе.

— Ах, простите меня! — воскликнула она с искренним огорчением и стала подбирать маленьких присяжников, очень при этом то-ропясь, так как у нее в голове мелькало воспоминание о случае с золотыми рыбками. И теперь ей смутно казалось, что если не посадить обратно на скамеечку всех этих вздрагивающих существ, то они непременно умрут.

— Суд не может продолжаться, — сказал Король проникновенным голосом, — пока все присяжные не будут на своих местах. Все, — повторил он и значительно взглянул на Аню.

Аня посмотрела на скамейку присяжников и увидела, что она впопыхах втиснула Яшу-

Ящерицу вниз головой между двух Апрельских Уточек, и бедное маленькое существо только грустно поводило хвостиком, сознавая свою беспомощность.

Аня поспешила его вытащить и посадить правильно. «Впрочем, это имеет мало значения, — сказала она про себя. — Так ли он торчит или иначе — все равно особой пользы он не приносит».

Как только присяжники немного успокоились после пережитого волнения и как только их доски и карандаши были найдены и поданы им, они принялись очень усердно записывать историю несчастья — все, кроме Яши, который, казалось, слишком потрясен, чтобы что-либо делать, и мог только глядеть в потолок, неподвижно разинув рот.

— Что ты знаешь о преступлении? — спросил Король у Ани.

— Ничего, — ответила Аня.

— Решительно ничего? — настаивал Король.

— Решительно ничего, — сказала Аня.

— Это очень важно, — проговорил Король, обернувшись к присяжникам. Те было начали заносить сказанное, но тут вмешался Кролик.

— Неважно — хотите сказать, ваше величество? — произнес он чрезвычайно почтительным голосом, но с недобрый выражением на лице.

— Неважно, да, да, конечно, — быстро поправился Король и стал повторять про себя: «Важно — неважно, неважно — важно», — словно он старался решить, какое слово звучит лучше.

Некоторые из присяжников записали «важно», другие — «неважно». Аня могла заметить это, так как видела их доски. «Но это не имеет никакого значения», — решила она про себя.

В эту минуту Король, который только что торопливо занес что-то в свою записную книжку, крикнул:

— Молчанье! — и прочел из этой же книжки следующее: — Закон сорок четвертый.

Все лица, чей рост превышает одну версту, обязаны удалиться из залы суда.

Все уставились на Аню.

— Превышаешь! — молвил Король.

— И многим, — добавила Королева.

— Во всяком случае я не намерена уходить, — сказала Аня. — А кроме того, это закон не установленный. Вы сейчас его выдумали.

— Это старейший закон в книге, — возразил Король.

— Тогда он, должен быть законом номер первый, а не сорок четвертый, — сказала Аня.

Король побледнел и захлопнул записную книжку.

— Обсудите приговор, — обратился он к присяжникам, и голос его был тих и трепетен.

— Есть еще одна улика, — воскликнул Белый Кролик, поспешно вскочив. — Только что подобрали вот эту бумажку.

— Что на ней написано? — полюбопытствовала Королева.

— Я еще не развернул ее, — ответил Кролик. — Но по-видимому, это письмо, написанное подсудимым... к... к кому-то.

— Так оно и должно быть, — сказал Король. — Разве только, если оно написано к никому, что было бы безграмотно, — не правда ли?

— А как адрес? — спросил один из присяжников.

— Адреса никакого нет, — сказал Кролик. — Да и вообще ничего на внешней стороне не написано. — Он развернул листок и добавил: — Это оказывается вовсе не письмо, а стихи.

— А почерк чей, подсудимого? — спросил вдруг один из присяжников.

— В том-то и дело, что нет, — ответил Кролик. — Это-то и есть самое странное.

Присяжники все казались озадаченными.

— Он, должно быть, подделался под чужой почерк, — решил Король.

Присяжники все просветлели.

— Ваше величество, — воскликнул Ва-

лет, — я не писал этого, и они не могут доказать, что писал я: подписи нет.

— То, что ты не подписал, ухудшает дело, — изрек Король. — У тебя, наверно, совесть была нечиста, иначе ты бы поставил в конце свое имя, как делают все честные люди!

Тут раздались общие рукоплескания: это была первая действительно умная вещь, которую Король сказал за весь день.

— Это доказывает его виновность, конечно, — проговорила Королева. — Итак, отруб...

— Это ровно ничего не доказывает, — перебила Аня. — Вы же даже не знаете, о чем говорится в этих стихах.

— Прочсть их, — приказал Король.

Белый Кролик надел очки.

— Откуда ваше величество прикажете читать? — спросил он.

— Начни с начала, — глубокомысленно ответил Король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца. Тогда остановись.

В зале стояла мертвая тишина, пока Кро-
лик читал следующие стихи:

«При нем беседовал я с нею
О том, что он и ей, и мне
Сказал, что я же не умею
Свободно плавать на спине.

Хоть я запутался — не скрою, —
Им ясно истина видна;
Но что же станет со мною,
Когда вмешается она?

Я дал ей семь, ему же десять,
Он ей — четыре или пять.
Мы не успели дело взвесить,
Как все вернулись к нам опять.

Она же высказалась даже
(Пред тем, как в обморок упасть)
За то, что надо до продажи
Ей выдать целое, нам часть.

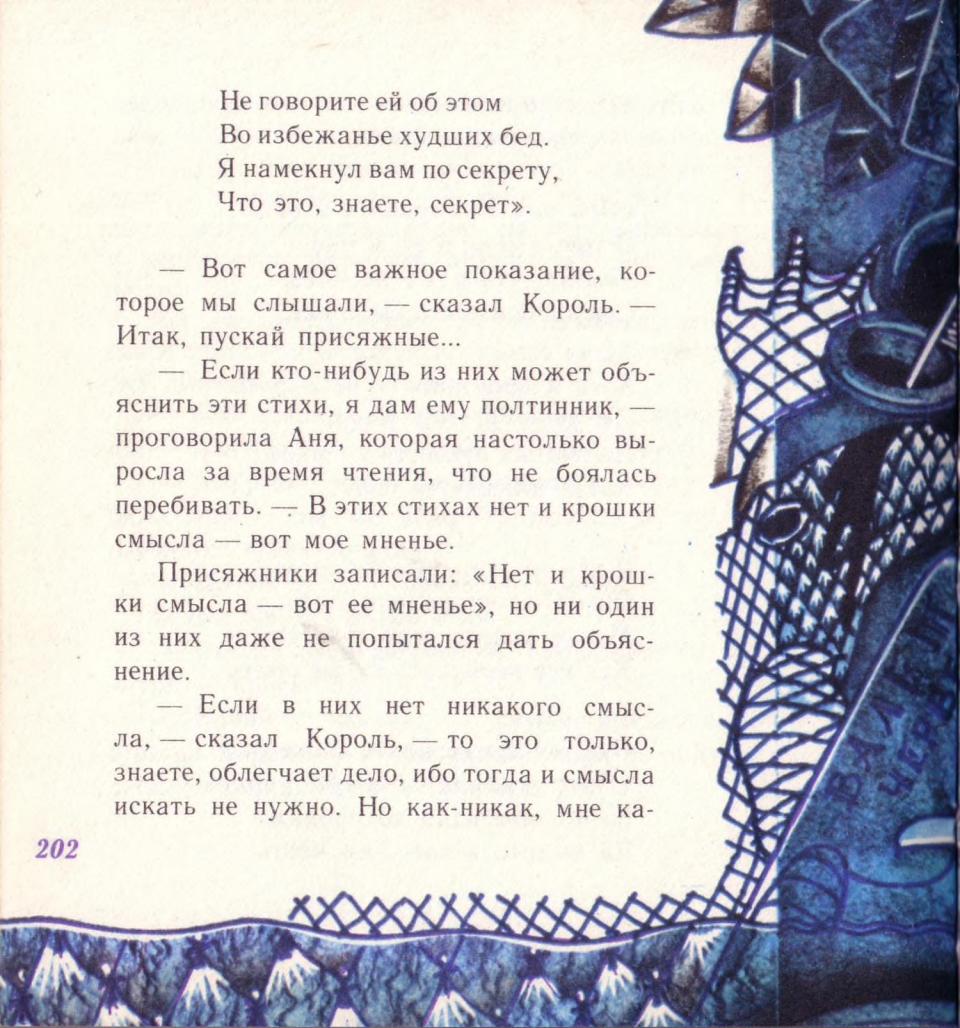
Не говорите ей об этом
Во избежанье худших бед.
Я намекнул вам по секрету,
Что это, знаете, секрет».

— Вот самое важное показание, которое мы слышали, — сказал Король. — Итак, пускай присяжные...

— Если кто-нибудь из них может объяснить эти стихи, я дам ему полтинник, — проговорила Аня, которая настолько выросла за время чтения, что не боялась перебивать. — В этих стихах нет и крошки смысла — вот мое мнение.

Присяжники записали: «Нет и крошки смысла — вот ее мнение», но ни один из них даже не попытался дать объяснение.

— Если в них нет никакого смысла, — сказал Король, — то это только, знаете, облегчает дело, ибо тогда и смысла искать не нужно. Но как-никак, мне ка-

жется, — продолжал он, развернув листок на коленях и глядя на него одним глазом, — мне кажется, что известное значенье они все же имеют. «Сказал, что я же не умею свободно плавать на спине». Ты же плавать не умеешь? — обратился он к Валету.

Валет с грустью покачал головой.

— Разве, глядя на меня, можно подумать, что я хорошо плаваю? — спросил он. (Этого, конечно, подумать нельзя было, так как он был склеен весь из картона и в воде расклеился бы.)

— Пока что — правильно, — сказал Король и принялся повторять стихи про себя: «Им ясно истина видна» — это, значит, присяжным. «Когда вмешается она...» — это, должно быть, Королева. «Но что же станет со мною?» Да, это действительно вопрос! «Я дал ей семь, ему же десять...» Ну конечно, это насчет пирожков.

— Но дальше сказано, что «все вернулись к нам опять», — перебила Аня.

— Так оно и есть — вот они! — с торжеством воскликнул Король, указав на блюдо с пирожками на столе. — Ничего не может быть яснее! Будем продолжать: «Пред тем, как в обморок упасть...» Ты, кажется, никогда не падала в обморок, моя дорогая? — обратился он к Королеве.

— Никогда! — рявкнула с яростью Королева и бросила чернильницей в Ящерицу. (Бедный маленький Яша уже давно перестал писать пальцем, видя, что следа не остается, а тут он торопливо начал сызнава, употребляя чернила, струйками текущие у него по лицу.)

— В таком случае это не совпадает, — сказал Король, с улыбкой обводя взглядом присутствующих.

Гробовое молчанье.

— Это — игра слов! — сердито добавил он, и все стали смеяться. — Пусть присяжные обсудят приговор, — сказал Король в двадцатый раз.

— Нет, нет, — прервала Королева. — Сперва казнь, а потом уж приговор!

— Что за ерунда? — громко воскликнула Аня. — Как это возможно?

— Прикуси язык! — гаркнула Королева, густо побагровев.

— Не прикушу! — ответила Аня.

— Отрубить ей голову, — взревела Королева.

Никто не шевельнулся.

— Кто вас боится? — сказала Аня. (Она достигла уже обычного своего роста.) — Ведь все вы — только колода карт.

И внезапно карты взвились и посыпались на нее: Аня издала легкий крик — не то ужаса, не то гнева — и стала от них защищаться и... очнулась... Голова ее лежала на коленях у сестры, которая осторожно смахивала с ее лица несколько сухих листьев, слетевших с ближнего дерева.

— Проснись же, Аня, пора! — сказала сестра. — Ну и хорошо же ты выпалась!

— Ах, у меня был такой причудливый

сон! — воскликнула Аня и стала рассказывать сестре про все те странные приключения, о которых вы только что читали. Когда она кончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Да, действительно, сон был причудливый. А теперь ступай, тебя чай ждет; становится поздно.

И Аня встала и побежала к дому, еще вся трепещущая от сознания виденных чудес.

А сестра осталась сидеть на скате, опершись на вытянутую руку. Глядела она на золотой закат и думала о маленькой Ане и обо всех ее чудесных приключениях и сама в полудремоте стала грезить.

Грезилось ей сперва лицо сестренки, тонкие руки, обхватившие голое колено, яркие, бойкие глаза, глядящие ей в лицо. Слышала она все оттенки детского голоса, видела, как Аня по обыкновению своему нет-нет да и мотнет головой, откидывая волосы, которые так настойчиво лезут на глаза. Она стала прислушиваться, и

все кругом словно ожило, словно наполнилось теми странными существами, которые причудились Ане.

Длинная трава шелестела под торопливыми шажками Белого Кролика; испуганная Мышь барахталась в соседнем пруду; звякали чашки — то Мартовский Заяц со своими приятелями пили нескончаемый чай; раздавался резкий окрик Королевы, приказывавшей казнить несчастных гостей своих; снова поросенок-ребенок чихал на коленях у Герцогини, пока тарелки и блюдца с грохотом разбивались кругом; снова вопль Грифа, поскрипыванье карандаша в руках Ящерицы и кряхтение подавляемых Морских Свинок наполняли воздух, мешаясь с отдаленными всхлипываниями горемычной Чепухахи.

Так грезила она, прикрыв глаза, и почти верила в Страну чудес, хотя знала, что стоит глаза открыть — и все снова превратится в тусклую явь: в шелестенье травы под ветром, в шуршанье камышей вокруг пруда, сморщенного дуновеньем, и звяканье чашек станет лишь перезво-

ном колокольчиков на шеях пасущихся овец, а резкие крики Королевы — голосом пастуха. И все остальные звуки превратятся (знала она) в кудяхтанье и лай на скотном дворе, и дальнейшее мычанье коров займет место тяжелого всхлипывания Чепупахи.

И затем она представила себе, как эта самая маленькая Аня станет взрослой женщиной, и как она сохранит в зрелые годы свое простое и ласковое детское сердце, и как она соберет вокруг себя других детей и очарует их рассказом о том, что приснилось ей когда-то, и как она будет понимать их маленькие горести и делить все простые радости их, вспоминая свое же детство и длинные, сладкие летние дни.

*РУССКАЯ
СЕСТРА
АЛИСЫ*

Более ста лет назад Чарлз Лютвидж Доджсон — преподаватель математики Оксфордского университета в Англии — во время лодочной прогулки рассказал десятилетней Алисе Лидделл и ее сестрам сказку о необычайных приключениях девочки по имени Алиса. В 1865 году он опубликовал эту сказку под псевдонимом Льюис Кэрролл, назвав ее «Алиса в Стране чудес».

Сегодня о приключениях любознательной Алисы знают во всех уголках мира. Сказка Кэрролла широко известна и в нашей стране. Существует много разных переводов ее на русский язык. Но вот перед нами еще один, давний, принадлежащий перу Владимира Владимировича Набокова.

Героине сказки он дал русское имя Аня — только в русском языке существует такая уменьшительная форма от имени Анна. Набоков стремился к тому, чтобы сказка английского писателя, чрезвычайно трудная для переложения на другой язык, стала по-настоящему близка русскому читателю, чтобы мы поняли своеобразие и блеск словесной игры, оценили тонкость юмора, способность Кэрролла взглянуть на мир одновременно глазами ребенка и глазами ученого.

Набоков отлично справился с этой задачей. Можно сказать, что с выходом в 1923 году его книжки «Аня в Стране чудес» у английской девочки Алисы появилась очень похожая на нее русская сестра.

Владимир Набоков родился в 1899 году в Петербурге, в 1919 году вместе с родителями покинул родину. Жил в Берлине, Париже, затем в США, где преподавал историю русской литературы, занимался энтомологией — наукой о насекомых. Он открыл несколько новых видов бабочек, написал исследование о чешуекрылых. Разносторонне одаренный человек, Набоков был великолепным шахматным композитором, вел шахматные отделы в журналах.

Но известен он, прежде всего, как прозаик и поэт, автор многих романов («Машенька», «Защита Лужина», «Дар» и

другие), рассказов (сборники «Возвращение Чорба», «Соглядатай», «Весна в Фиальте»), стихов и пьес.

Набоков был двуязычным писателем, ряд его произведений написан на английском языке, которым он блестяще владел.

Последние годы Набоков жил в Швейцарии и умер там в 1977 году, так и не повидав родину. Однако всю жизнь он ощущал свою причастность к России. «Я чувствую себя русским, — говорил Набоков в интервью лондонскому телевидению в 1962 году, — и я думаю, что мои русские произведения, разнообразные романы, стихи и рассказы, которые я написал за эти годы, — своего рода дань России».

Такой данью можно считать и еще одну важную сторону его деятельности: Набоков знакомил западный мир с величайшими созданиями русской культуры. Он перевел «Слово о полку Игореве», стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета. Настоящим подвигом Набокова явился перевод на английский язык пушкинского «Евгения Онегина», сопровождаемый подробнейшим комментарием. Он многое сделал именно как посредник между русской и англоязычной культурами. И «Аня в Стране чудес» — красноречивое тому доказательство.

В автобиографической повести «Другие берега» (1954) Набоков писал, что вся его жизнь представляется ему в виде цветной спирали; начало этой спирали — русское детство и отрочество. Летом — на привольных лугах и в густых лесах Выры, под Петербургом, на красных песчаных бере-

гах Оредежи, прихотливо струящей свои воды под бледным северным небом, а зимою — в столичном доме на Морской улице. Детей Набоковых воспитывали на английский манер. И сказка Кэрролла, естественно, входила в круг детского чтения.

Не случайно для первых своих литературных опытов Набоков выбрал именно «Алису». У Кэрролла он нашел многое, что было близко природе его дарования, — и понимание относительности прочно установившихся понятий, и непривычный, «нелогичный» взгляд на вещи, и склонность к словесной игре (впоследствии Набоков станет известен как писатель, виртуозно владеющий словом).

«Алиса» была дорога Набокову и как воспоминание о собственном детстве. Не это ли привело к мысли погрузить сказку Кэрролла в русский быт, в стихию русской речи?

С девочкой Аней приключается все то же, что и с Алисой в Стране чудес. Но читатель заметит, что, попав в кроличью нору и падая вниз, Аня успевает схватить банку с клубничным вареньем, а не с апельсиновым джемом, как написано у Кэрролла. Повстречав Мышь, Аня решает, что это французская Мышь, оставшаяся при отступлении Наполеона из России. В английском же тексте Мышь попала в Англию с войсками Вильгельма Завоевателя. Мышь в книжке Набокова читает Ане лекцию по истории Киевской Руси, а не по английской истории, как это делает Мышь у Кэрролла.

Стихи, которые проказливо переиначивает Аня:

Крокодилушка не знает

Ни заботы, ни труда...

Лапки врозь, дугою хвостик

И улыбка до ушей...

дети учили наизусть во всех российских школах. Это строчки из хрестоматийных стихотворений «Птичка божия не знает...» А. Пушкина и «Сенокос» А. Майкова: «В ожиданье конь убогий,/Точно вкопанный стоит.../Уши врозь, дугою ноги/И как будто стоя спит». Кэрролл же пародирует стихи старых английских поэтов — И. Уоттса и Р. Саути.

Аня окружена существами, которые носят русские имена. Это, например, дворянин Кролик Трусиков со своими слугами Петькой и Яшкой (Пэт и Билл у Кэрролла). Для речи набоковских персонажей характерны чисто русские интонации: «В крокет умеешь?», «Иди, давай попробуем первую фигуру».

В духе Кэрролла, но на русский лад сочинены бесчисленные каламбуры и слова-перевертыши: чесать и питать (вместо читать и писать); Чепупаха (чепуха и черепаха) изучает четыре правила арифметики: служенье, выметанье, уморенье и пиленье. При этом уморенье объясняется так: крота можно укротить, а моржа — уморжить!

Перевод изобилует присказками, поговорками, придуманными Набоковым: «Горчица — не птица», «У каждой пташки — свои замашки».

Как и Кэрролл, Набоков умеет мастерски играть словами и звуками: «Я только села на время», — «Время не любит, чтобы на него садились»; Молодой Спрут «всегда был с прутиком».

Подобных примеров можно привести очень много, но мы уже поняли, что «Аня в Стране чудес» — перевод особенный, отмеченный печатью яркого таланта.

Несмотря на то что впоследствии появились другие прекрасные переводы «Алисы», книга Набокова не потеряла своего обаяния, в чем может убедиться каждый, кто ее прочтет.

Н. И. Толстая

Оглавление

Глава 1
Нырок в кроличью норку
8

Глава 2
Продолжение
21

Глава 3
Игра в куралесы
и повесть в виде хвоста
37

Глава 4
Кто-то летит в трубу
51

Глава 5
Совет Гусеницы
71

Глава 6
Поросенок и перец
87

Глава 7
Сумасшедшие пьют чай
109

Глава 8
Королева играет в крокет
127

Глава 9
Повесть Чепунахи
147

Глава 10
Омаровая кадрили
163

Глава 11
Кто украл пирожки?
179

Глава 12
Показание Ани
193

Н. И. Толстая Русская сестра Алисы
214

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Л Ь Ю И С К Э Р Р О Л Л
А Н Я В С Т Р А Н Е Ч У Д Е С

Перевод
Набокова
Владимира Владимировича

Ответственный редактор
Н. Е. Прийма.

Художественный редактор
И. Н. Косарева.

Технический редактор
Т. Д. Раткевич.

Корректор
Н. Н. Жукова.

ИБ 11366

Сдано в набор 13.05.88. Подписано к печати 20.02.89.
Формат 60×108^{1/32}. Бумага офсетная № 1.
Шрифт литературный. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 36,3. Уч.-изд. л. 8,46.
Тираж 100 000 экз. (2-й завод 60 001 — 100 000 экз.)
Заказ № 399. Цена 1 р. 80 к.

Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2
Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР
по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.
193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Ленинград «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Ленинградское отделение
1989